

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА: Москва, Рождественка, дом № 9.
Телеф. 1-11-64 и 1-20-85.

ЦЕНА НОМЕРА: { в Москве. . 60 р.
„ провинции. . 64 р.

№ 31—32. | 24—31-го августа 1922 г. | № 31—32.

— СО Д Е Р Ж А Н И Е: —

Статьи: Бранденбургский—„Просто законность или революционная законность“. Славин—„Об участии коммунистов в адвокату-
ре“. Эстрин—„Лишение свободы, как безусловное или условное наказание“. Коваленков—„К вопросу о роли прокуратуры
при производстве предварительного следствия и в стадии предания суду“. Гавзе—По вопросу о нашей карательной политике“. *Прушинский*—„Судебные пошлины и госучреждения“. Брагинский—„Обзор советского законодательства за время с 9 по 29
июля 1922 г.“ (Окончание). З—цев—„Правые эс-эры перед судом пролетариата“. Суд и жизнь: И. С.—„В Брянске“.—„Отече-
ственные акулы“. Молчанов—„Интересный судебный случай“. Ю. Б.—„Достоинно внимания“. Дискуссионная страница по при-
менению нодеисов. Санчов—„Из практики применения аналогий“ и др. Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции:
Проект декрета о наследовании.—Проект Гражданского Процессуального Кодекса.—Практика Высшего Судебного Контроля.—
Хроника: На местах.—За рубежом. Почтовый ящик.—Объявления.
Официальное приложение: Декреты ВЦИК и СНК.—Циркуляры НКЮ.

Просто законность или революционная законность?

«Та глава в истории нашей революции, которая называется НЭПом, связана на политической арене с крупными опасностями, которые надо ясно видеть—и только тогда можно будет их избежать. За это время в политической области наметились некоторые новые явления. За этот год мы безусловно видим у наших противников, с одной стороны, надлом, начало разложения, а, с другой стороны, со стороны внутренней, какие-то новые наслоения, внутреннюю консолидацию антисоветских сил, которой до сих пор мы не знали», так говорил тов. Зиновьев на Всероссийской конференции РКП в докладе, посвященном возрождению буржуазной идеологии и задачам партии, и в подтверждение своей мысли он привел цитату из органа правых кадет «Руль» о тех тонких, воздушных нитях оппозиции, которые «далеко переплетаясь и сплетаясь, образуют все более густую и прочную сеть».

Вместе с тов. Зиновьевым мы полагаем, что дело обстоит совсем не так страшно, как это рисует «Руль». Не так густа и, особенно, не так прочна эта сеть оппозиции, но она есть и заметно проявляется во всех толстых и тонких журналах, выпускаемых не в меру расплодившимся в Москве и Петрограде частными издательствами, и нужно воспользоваться предостережениями наших врагов из «Руля», чтобы ясно видеть, что происходит.

На эти размышления нас навела первая книга журнала, который выпускается в Москве частным издательством «Право и Жизнь» и который посвящен вопросам права и экономического строительства.

Наша юридическая литература пока очень бедна и появление в свет журнала под редакцией трех профессоров,—как значится на обложке, Винавера, Гернета и Трайнина,—должно было бы во всех отношениях представлять из себя явление более чем положительное, но какие условия для этого необходимы?

Необходимо, чтобы этот журнал помогал нам развивать наши идеи советской юстиции и помогал проникновению этих идей в сознание рабоче-крестьянского населения нашей трудовой Республики. О том, что статьи журнала написаны не для рабочих и не для крестьян, об этом уже не приходится говорить. «Наши профессора», видимо, не этого читателя имеют в виду, не на него рассчитывают. Нас больше интересует поэтому вопрос не о том, как они говорят, а что они говорят. Нас интересует, в какой мере они помогают или же мешают нам проводить наши идеи юстиции, наше понимание права, и когда «профессор» Трайнин, спустя почти год после провозглашения IX-м съездом советов лозунга революционной законности, в первой же статье журнала берет под сомнение самое сочетание слов «революционная» и «законность»,

мы вынуждены в свою очередь поставить под знак вопроса самое его недоумение. Мы не допускаем, чтобы он действительно не понимал того, что великолепно усвоил каждый русский революционер, живущий не пережитками отдаленного прошлого, а принимающий активное участие в нашем строительстве новой жизни. Мы склонны думать, что «профессора» из «Права и Жизни», конечно, понимают, что им, однако, не мешает недоумевающе разводить руками по тому поводу, что «уже в первые дни после IX-го съезда стали появляться в общей и специальной прессе статьи, доказывающие, что провозглашена не обычная, а революционная законность».

Напрасно «профессор» Трайнин пытается свести вопрос к тому, что, «поскольку в определении «революционная законность» содержится простое указание на эпоху, в которой осуществляется законность, т. е. дается определение во времени, против него вряд ли можно что-либо возразить». Работники юстиции давно поняли, что речь вовсе не идет об определении во времени, а что в понятие «революционной законности» мы вкладываем иное внутреннее содержание, чем в понятие обычной законности, и это иное содержание, разумеется, находится в прямой зависимости от переживаемой эпохи, которая остается и еще долго будет оставаться революционной. Дело не столько в том, что, «когда жизнь бурлит», законность должна выливаться в иные формы. Эта мысль, высказанная в «Еженедельнике Советской Юстиции»*), безусловно верна, хотя ее «проф.» и рассматривает, как «бесспорную и логическую ошибку», не удостоивая ее даже и серьезной критики. С другой стороны, «проф.» Трайнин как бы стоит на высокой кафедре юридического факультета былых времен перед студентами из буржуазного мира и вещает им: «Есть законность, как некоторая правовая ценность, единая в революции и реставрации; законность, как следование законам». Вот уже, поистине, профессорское определение, мало достойное претендующего на ученость серьезного журнала. И совершенно уже ни к селу, ни к городу он ссылается на автора этих строк, целиком стоявшего именно на точке зрения необходимости у нас не обычной, а революционной законности. Профессор правильно цитирует бюллетень III-й сессии В. Ц. И. К., но искажает смысл цитат. Конечно, автор этих строк говорил в докладе об организации защиты, что если для права нет места, то только в первые, наиболее

острые моменты революции, а затем... законность неизбежна и необходима для дальнейшего укрепления дела революции.

И еще более притянута за волосы статья из «Еженедельника Советской Юстиции» «Пора перестроиться по-боевому», где речь шла о специальных задачах органов юстиции в связи с новой экономической политикой и образуемыми на этой почве нездоровыми наростами.

«Профессора» не знают или притворяются, что не знают, что революционная законность предполагает известную гибкость, что революционная законность меньше обычной законности связана устоявшимися нормами и что в этом суть вопроса. Они не понимают, что революционная законность—это более свободная оценка интересов, которые сталкиваются в конкретных случаях жизни, направленная к ограждению интересов рабочего-крестьянского государства и нужд трудящихся. Они не в состоянии понять, что при революционной законности нужно считаться с **подлинным революционным смыслом закона**, с его духом, с той целью, которую преследовал закон, а не иметь только в виду мертвую букву закона. **Революционная законность**, наконец,—и это нам представляется наиболее существенным,—**не исключает революционной целесообразности**, а должна комбинироваться с ней, чтобы достичь той цели, которая пред ней поставлена историей развития нашей революции.

Кто этого не понимает, тот никогда не поймет сущности нашего правового строительства и никогда не сумеет его отличить от права «благоустроенных» буржуазных стран.

В наши цели, конечно, не входило чему бы то ни было поучить «профессоров» из журнала «Право и Жизнь». Нам хотелось исключительно предостеречь наших читателей, практических работников советской юстиции, более чем на 50% выходящих из среды рабочих и крестьян, от той опасности, которую представляют профессорские рассуждения о недоступной им идее «революционной законности», и лишней раз в сжатой форме напомнить, в чем сущность и особенность нашей революционной законности.

Мы уверены, что «ученость» кадетских «профессоров» не собьет наших работников с пути правильного понимания задач пролетарской революции.

Я. Бранденбургский.

Об участии коммунистов в адвокатуре **).

В «Правде» закончена дискуссия по вопросу, должны ли коммунисты быть членами коллегий защитников, или нет. Инициатором дискуссии явился тов. Бранденбургский, докладчик Наркомюста об адвокатуре в майской сессии ВЦИК. В своей ст. в № 176 «Правды» от 8-го августа тов. Бран-

денбургский доказывает допустимость и принципиальную желательность участия коммунистов в коллегиях защитников. Тов. Андрес в другой ст. («Правда», № 181) стоит на противоположной точке зрения. К нему присоединился тов. Красиков («Правда», № 189 от 23-го августа) и тов. Прушицкий («Еженедельник», № 29—30). По сообщению «Правды», вопрос вызвал оживленную дис-

*) См. «Критика и библиография» в № 29-30 «Еж. С. Ю.».

**) Печатается в дискуссионном порядке. Редакция.

куссию; есть много сторонников участия, есть и противники.

Ныне дискуссия перекинулась на страницы «Еженедельника», специального органа, обслуживающего органы юстиции. Здесь и уместно будет более обстоятельно остановиться на возбужденном вопросе.

1.

Подход к поставленному вопросу должен быть, на наш взгляд, таков: **имеется ли объективная необходимость для партии направить работников в адвокатуру?** Иного подхода не может быть, так как член партии, а в особенности, ответственный работник, находится всегда в распоряжении партии и только ею может быть командирован на ту или иную работу.

Рассматривая исключительно с этой точки зрения вопрос об участии коммунистов в адвокатуре, необходимо, раньше всего, установить тот фактический документальный материал, который позволил бы нам вывести ряд положений и затем сделать из них логические выводы.

С этой стороны, большой интерес представляет собой малоизвестный широким массам судебных работников стенографический отчет майской сессии ВЦИК и отчет о совещании при МГСПС о юридических консультациях профсоюзов, напечатанный в газете «Труд», в № 282 от 16 августа.

Вот как рисовалась нашим депутатам роль адвокатов при обсуждении законопроекта об адвокатуре. Тов. Никитин (Псковской губ.) в своей речи сделал вывод, что адвокатура

«поставит нас в такие условия, что все завоевания рабочих и крестьян пойдут на смарку. Все будет возвращено опять — так той же буржуазии, которая будет опять торжествовать и от удовольствия потирать руки» *).

О политических симпатиях адвокатов говорил тов. Скрыпник.

«...Мы имеем граждан, которые до сих пор саботировали отправление правосудия... Мы знаем их этику, когда в 1917 году т.т. адвокаты образовали свой союз адвокатов и боролись с советской властью. Мы знаем эту этику, когда в октябре они выбрасывали коммунистов из состава адвокатской корпорации» **).

При такой «лестной» аттестации «сословия» адвокатов необходимость его создания могла быть аргументирована на сессии ВЦИК лишь объективной обстановкой хозяйственного строя, вызвавшего стихийный процесс образования адвокатуры, когда государству оставалось лишь взять на себя роль регулятора и органа контроля.

Оправдались ли уже теперь, до официального учреждения коллегии защитников, все эти мнения наших депутатов? Да, уже. Вот что говорится в отчете о совещании при МГСПС («Труд», 16 августа).

«...В прениях выступил целый ряд товарищей, живописующих беспомощное положение рабочих в судах. Предприниматели всегда искуснее раз-

бираются в многочисленных декретах и циркулярах и рабочим приходится защищаться от умелых нападков дошлых юристов противной стороны».

II.

Не преувеличена ли роль адвокатов? В суде две стороны. Одна из них хорошо вооружена при помощи спеца, но, ведь, другая, более слабая опирается на мощную защиту классового рабочего-крестьянского суда, которому принадлежит решающее слово. Какая, казалось бы, опасность для рабочего и крестьянина со стороны своего суда? Пусть придется ему отбиваться «от умелых нападков дошлых юристов противной стороны», раз суд на его стороне.

Оказывается, в народном суде у нас неблагополучно. Тревогу уже забили на майской сессии ВЦИК и кончили ее на совещании при МГСПС. Так, депутат тов. Туляков отметил *):

«...У нас слишком слабы народные суды, т.е. мы еще не сумели за это время подготовить так прочно, с точки зрения наших взглядов, народные суды, чтобы они могли развернуться сейчас же в наших новых условиях. Здесь также есть опасность со стороны этих народных судов, что они не смогут ориентироваться быстро в законах и декретах и их здесь всегда могут побивать».

Далее, тов. Туляков проводит ряд примеров, когда народные суды разрешали вывезти пианино из рабочих домов, когда у рабочих отнимали мебель и оставляли им голые стены. Тов. Туляков замечает, что адвокатура «будет нас бить на наших слабых народных судах».

И ныне на совещании при МГСПС тов. Му-тушкин, как сообщает отчет, «приводит случаи судебных процессов, кончавшихся не в пользу рабочих, благодаря тому, что народные суды не всегда бывают на высоте своего советского положения».

А тов. Семков формулировал положение так:

«Судебные процессы, где разбираются доминирующие в рабочей жизни вопросы — жилищный, договор о трудовом найме и другие — должны стать местом профессиональной борьбы за права рабочих» **).

К этому будет уместно добавить, что на совещании предгубисполкомов и представителей ведомств 2-го мая 1922 года по вопросу о порядке издания исполкомами обязательных постановлений предгубисполкома Вятской губернии тов. Спунде заявил, что

«...вопрос не столько о фактической невозможности для суда справиться с делами по нарушению порядка, но и о классовой непригодности судей быть органами пролетарской диктатуры» **).

III.

Таким образом, можно считать незыблемо установленными два положения: 1) адвокаты в своей массе защищают интересы буржуазии против интересов рабочих и крестьян и 2) народные суды, по своей слабости и крайне непрочному классовому составу, а иногда из-за увлечения непра-

*) «Бюллетень III сессии ВЦИК» № 3 от 17 мая 1922 г., стр. 19.

**) Там же, стр. 6.

*) «Бюлл. III сессии ВЦИК», № 3 от 17 мая, стр. 9-10.

**) Курсив наш. И. С.

вильно понятой революционной законностью, зачастую решают дела в пользу буржуазии*). Если к этому добавить, что все наши губотюсты, хозяйственные и иные учреждения, вплоть до самых высших, насыщены спецами, которые фактически реставрируют своими заключениями дореволюционное понимание права собственности и знают не только никаких границ в своих реставрационных порывах, то приходится точно констатировать, что мы окружены спецами сверху до низу, которые толкуют наши законы в пользу пэпманов даже там, где это не вызывается ни требованиями закона, ни соображениями хозяйственной целесообразности.

Окружение спецами, с одной стороны, и отсутствие защиты рабочих на суде, с другой, создают недопустимое в рабоче-крестьянском государстве положение, что рабочие отданы на поток и разграбление обнаглевшей, вылезшей из нор буржуазии. Вот уже больше года, как она тихим сапом отнимает у пролетариата отвоеванные у нее позиции. Печать повсеместно переполнена сообщениями о борьбе на этом фронте. Буржуазия нагнет с каждым днем, с каждым часом, пользуясь часто малограмотностью наших учреждений, судов, иногда непониманием нашими товарищами пределов НЭП'а, имея к тому всегда к услугам спецов, которые везде, в большинстве своем, за плату и даже бесплатно в качестве консультантов учреждений, по классовому инстинкту своему, помогают буржуазии.

Какой выход напрашивается из этого положения? Этот выход был указан в речах тов. Рязанова и Яхонтова на сессии ВЦИК и ныне на совещании при МГСПС. Тов. Рязанов отметил**), что

«Нужно организовать на местах хорошую правовую защиту всего населения, а мы должны знать, что это население крестьянское, в огромном большинстве нуждающееся в воспитании самостоятельности, в воспитании духа сопротивления всяким незаконным распоряжениям губисполкомов и всяких других органов на местах. И вот это воспитание духа сопротивления, духа неповиновения—я употребляю это страшное слово—одинаково и у рабочих, и у крестьянства является тем большей необходимостью, что некоторые наши законодатели, в порыве неповского восторга, спешат слишком быстро соплечь с себя советские одежды и превратиться в старых буржуазных «аблокатов»... «Необходимо организовать защиту крестьянства от целого ряда кулаков разных степеней и защиту рабочих от целого ряда пэпманов внутренних и внешних»***)... «Обеспечить юридическую защиту для крестьян и рабочих, предоставив полную свободу и гарантии существования народной адвокатуры». А тов. Яхонтов находит, что «вероятно, нашим организациям советским и, в особенности, профессиональным придется иметь своих адвокатов, создать, так сказать, рабочую адвокатуру, которая будет обслуживать специально рабочий класс»****).

*) См. начало ст. т. Лисицына в № 29-30 „Еж. С. Ю.“

**) „Бюлл. III сессии ВЦИК“, № 3 от 17 мая, стр. 14-15.

***). Курсив наш. И. С.

****). Там же, стр. 9.

Эта же мысль об организации рабочей адвокатуры приняла еще более яркую форму на совещании при МГСПС, где была констатирована, как гласит отчет, «необходимость союзам собрать вокруг себя преданную рабочему классу группу адвокатов и, по примеру прошлых лет, организовать свои юридические консультации, в которые должны войти и профработники, хорошо знающие быт и особенности своего производства».

IV.

Какая организованная сила возьмет на себя создание рабочей адвокатуры? Профсоюзы? Стало быть, участие партии будет весьма реально и, следовательно, придется командировать в консультации стойких партийных товарищей, немедленно, не выжидая пока, по утверждению тов. Красикова, «контингент прокуроров, судей, следователей не заполнен грамотными юристами - коммунистами».

Жизнь не ждет. Сам тов. Красиков подтверждает это, признавая, что

«Партийные органы в каждом отдельном случае могут только персонально под «свою ответственность» разрешать товарищу заниматься адвокатурой по определенному заданию, проверенному партией (работа в определенной консультации, в определенном процессе)».

Эти «сдельные» работы, при частом их повторении способны отнять столько времени у товарища, что совместить ее с другой определенной должностью судьи, прокурора, следователя и т. д. невозможно, иначе о плодотворности его занятий не может быть и речи. Кроме того, коммунисты—гастролеры по отдельным консультациям и процессам—ничего абсолютно не сделают для разрешения серьезной задачи создания рабочей адвокатуры и предлагать только такие гастролы,—значит пройти мимо крайне назревшей нужды, на которую РКП, как партия рабочего класса, обязана откликнуться.

В пылу полемики тов. Красиков изображает положение так, что адвокаты-коммунисты пойдут на службу буржуазии. «Я и не представляю себе—пишет тов. Красиков—сколько-нибудь искреннего, сколько-нибудь дельного коммуниста, бегающего по вексельным делам у какого-нибудь Колупаева, или занятого описью имущества несостоятельного должника, или выселяющего из квартиры рабочего по несоблюдению им каких-нибудь параграфов договора или за незанос платы».

Конечно, о такой роли адвоката-коммуниста никому из сторонников участия коммунистов в адвокатуре в голову не приходило и прийти не могло и в такой плоскости вопрос не был и не мог быть поставлен. Эта карикатура на коммуниста-адвоката дополнена тов. Андресом, который называет его Балалайкиным с партбилетом в кармане. Это выражение внешне отличается остроумием, но совершенно неправильно.

Раньше всего, нельзя вновь организуемую адвокатуру окрестить сообществом Балалайкиных. Рабоче-крестьянское государство, в лице ВЦИК и НКЮ, с ведома и согласия ЦК РКП, не взяло бы на себя контр-революционную задачу создать автономную организацию Балалайкиных с дисципли-

ликарными внутренними судами и поставить эту организацию рядом с прокуратурой*). Каково же официальное отношение власти к адвокату, высказал тов. Крыленко по делу правых с.-р. по вопросу об уходе адвокатов с процесса, когда он, требуя привлечения их к ответственности, доказывал, что

«нужно создать определенный прецедент и показать, что советская власть в понимании ею задач, которые лежат на защите, не слова говорит только об общественно-правовых обязанностях, не призывает только к исполнению, но и заставляет их исполнять тех, которые делать этого не хотят»**).

Нам нужно использовать эту организацию в целом так, чтобы, с одной стороны, создать ядро рабочей адвокатуры, а с другой, влиять на всю работу путем участия в составе коллегии, в дисциплинарном суде, в юридических консультациях и т. д.

Нужно быть уверенным, что ячейка коммунистов-адвокатов будет следить за коммунистической чистотой своих членов значительно строже, чем дисциплинарные суды.

V.

Не хватает, говорят, коммунистов для занятия должностей судей, прокуроров. Это положение неверно. Люди есть и их нужно только оттянуть в юстицию. Когда для фронтов были нужны партийные мобилизации, то они производились. Нужно только осознать, что и на этом фронте нужны люди, а тогда они будут и для органов юстиции, и для рабочей адвокатуры. Почему не дооценивается та мысль, что коммунист-адвокат в роли защитника рабочих и трудящихся будет пользоваться огромным влиянием, в их среде и тем будет увеличивать престиж партии? Почему оставляется без внимания другая мысль, что коммунист-адвокат будет, как сторона в процессе, помогать суду в более правильном толковании закона и будет влиять на органы суда, где они, по словам тов. Спунде, являются недостаточно приспособленными быть органами пролетарской диктатуры? Почему думать, как тов. Андрес, что коммунисты-адвокаты будут плестись в хвосте спецов, подвергнутся гиллозу

с их стороны, потеряют свой революционный порыв, стойкость и выдержанность и изменят интересам рабочего класса, а не наоборот,—что в постоянных, повседневных, непрерывных схватках на судебной арене с адвокатами нэпманов коммунисты-адвокаты не только укрепят свою связь с рабочими и широкими массами населения, но будут выковывать новые силы, охваченные революционным энтузиазмом в этой борьбе? Почему, наконец, нельзя себе представить, что ряд товарищей проявит свои способности ярче и сильнее в роли адвокатов на новых чрезвычайно ответственных командных высотах, чем в иной роли на других командных высотах юстиции?

Нужно добиться на этом боевом фронте, чтобы в сознании каждого рабочего укрепилось бы убеждение в том, что коммунист-адвокат является самоотверженно преданным его защитником, что двери его днем и ночью открыты для него.

В этой повседневной работе коммуниста-адвоката заключается громадное агитационное значение участия коммунистов в адвокатуре.

Нет сомнения, что коммунисты-адвокаты должны взять в свои руки в первую голову юридические консультации и организовать вокруг себя тех беспартийных адвокатов, которые сотрудничали с советской властью все последние годы и предпочитают ныне при наличии оплаты труда, достаточной на жизнь, вести защиту рабочих против нэпманов. Так удастся укрепить влияние коммунистов в адвокатуре, так удастся выявить подоплеку повседневной борьбы интересов и этику классовой защиты в суде.

Замыкаться в узкой сфере рабочих консультаций и не входить в состав организованной государством коллегии защитников, призванной занимать определенное место в аппарате суда, значило бы отказаться от обязанности влиять на работу важного для государства учреждения. Совершенно прав тов. Бранденбургский, придавая этой работе огромное значение.

Было бы величайшей близорукостью добровольно очистить поле битвы там, где представители рабочего класса должны сражаться в первых рядах.

И. Славин.

Лишение свободы, как безусловное или условное наказание ***).

В перечне наказаний ст. 32 упоминается под литерой «б» «лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой». Многие статьи Кодекса, (мы насчитали их 54), особенно статьи, предусматривающие наиболее тяжелые преступления, указывают в санкции своей не лишение свободы просто, а лишение свободы со строгой изоляцией. Можно предположить, что лишение со строгой изоляцией есть особый род наказания, перейти от

которого к лишению свободы просто, т.-е. без строгой изоляции, суд вправе лишь в порядке ст. 28. Это, казалось бы, тем более так, что, за исключением шести случаев (ст.ст. 160, 162, 180, п. б, 197, 209, ч. 1 и 2, 212, ч. 1), лишение свободы со строгой изоляцией положено лишь за преступления, относящиеся к категории «а» ст. 27, т.-е. за преступления, которые предусматриваются статьями, определяющими не подлежащий понижению судом ниспущий предел наказания. Впрочем, литера «д» ст. 32 знает также конфискацию имущества двух родов—полную или частичную; тем не менее, здесь

*) Синский: «Прокуратура и адвокатура—это две стороны». Бюллетень, стр. 14.

**) Стеногр. отчет, стр. 94.

***) См. стг. т. Эстрина в №№ 23, 24, 25, 28 «Еж. С. Ю.».

мы не признаем наличия двух родов наказания в смысле ст. 28, ибо обычно санкция соответствующих статей Особенной части говорит о «конфискации имущества» или о «конфискации всего или части имущества», каковые два обозначения имеют, конечно, один и тот же смысл; только в 3 случаях Кодекс устанавливает конфискацию всего имущества (ст.ст. 58, ч. 1, 76, ч. 1, и 130, ч. 2), а по 8 статьям возможна только конфискация части имущества (ст.ст. 81, 85, ч. 2, 130, ч. 1, 137, 140, 181, ч. 2, 191 и 193). Если же литера «д» ст. 32 не содержит различия двух особых родов наказания, то нет основания полагать, что сопоставляющая аналогичным образом два возможных вида лишения свободы литера «б» ст. 32 содержит такое различие их, как особых родов наказания.

Раз так, то суд, конечно, вправе более свободно обращаться с предписанием отдельных статей назначать только лишение свободы со строгой изоляцией. В случае, например, назначения наказания по ст. 180, п. 6, или другой из перечисленных нами выше вместе с нею 5 статей суд вправе, и не обращаясь к ст. 28, назначить лишение свободы без строгой изоляции, хотя все эти статьи знают только лишение свободы со строгой изоляцией. По тем же статьям, которые назначают лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже столько-то лет, например, не ниже 3 лет, суд может применять или не применять строгую изоляцию, но с тем, чтобы назначенное им фактически наказание, хотя и без строгой изоляции, по своей конкретной тяжести не было слабее лишения свободы со строгой изоляцией на минимальный, предусмотренный данной статьей срок. Этого требует смысл ст. 27, п. а. Таким образом, если признать, что по своей сравнительной тяжести 6 лет лишения свободы без строгой изоляции равносильны 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией, то суд, по ст. 76, ч. 1, например, сможет назначить лишение свободы на 4 года без строгой изоляции лишь в порядке и на основании ст. 28.

Право суда применять или не применять строгую изоляцию, хотя бы соответствующая статья не содержала оговорки «или без строгой изоляции», с несомненностью подтверждается и указанием ст. 34: «в приговоре суда должно быть указано, на какой срок осужденный приговаривается к лишению свободы и **требуется** ли строгая изоляция». Это указание означает не что иное, как обязанность суда изложить в приговоре, **признает ли он** **необходимой** строгую изоляцию данного осужденного; раз так, суд может ее признать **необходимой** и может не признать и не назначить. Если бы законодатель не имел в виду предоставить судье такую свободу действий, он бы, по меньшей мере, выразился в ст. 34 не «и **требуется** ли строгая изоляция», а «и **подлежит** ли он строгой изоляции».

Если мы возьмем, например, ст. 140, по которой допустима конфискация «части имущества», то всякий согласится, что применение за преступление, этой статьей предусмотренное, конфискации всего имущества было бы незаконно. Одно из основных положений, на котором построен весь Кодекс, и притом особо подтвержденное пунктом 2 циркуляра НКЮ № 48, это то, что суд не может

назначать наказания более тяжкого, нежели установлено соответствующей статьей. Не подлежит сомнению, что лишение свободы со строгой изоляцией есть более тяжкое наказание, чем лишение свободы без строгой изоляции. Еще в большем количестве случаев, чем лишение свободы со строгой изоляцией, статьи кодекса устанавливают применение просто «лишения свободы». Возникает вопрос, может ли суд и в этом последнем случае признать **необходимой** строгую изоляцию и действительно назначить таковую.

Хотя только что приведенное соображение и говорит против этого, но ранее цитированная часть ст. 34, очевидно, имеет в виду именно такую, более широкую компетенцию суда. Для окончательного разрешения вопроса в ту или иную сторону нужно поискать опорных пунктов в иных местах Кодекса.

В целых восьми случаях (ст.ст. 81, ч. 2, 106, ч. 2, 111, 130, 131, ч. 2, 180, п. 3, 202, ч. 2 и 207, ч. 3) Кодекс допускает применение либо лишения свободы, либо высшей меры наказания. Не подлежит сомнению, что, хотя в этих статьях и не сказано определенно «лишение свободы со строгой изоляцией», законодатель, тем не менее, несколько не имел в виду исключать здесь применимость последней. Ведь, было бы более чем нелогично заставлять судью выбирать между лишением свободы без строгой изоляции и высшей мерой наказания, не давая ему права воспользоваться наказанием промежуточным по тяжести — лишением свободы со строгой изоляцией. Однако, мы имеем в Кодексе еще более разительные примеры. Такова, прежде всего, статья 209, ч. 1 и ч. 2 которой устанавливают наказание лишением свободы со строгой изоляцией, а ч. 3, предусматривающая наиболее квалифицированный случай, имеет санкцией просто «лишение свободы». То же наблюдается и при сопоставлении пунктов «б» и «в» ст. 180 или статьи 160 со ст. 161, или, наконец, статьи 166 со ст. 167. Во всех этих трех примерах за явно менее тяжкое преступление положено лишение свободы со строгой изоляцией, в то время как за родственное и более тяжкое преступление установлено просто «лишение свободы». Мы приходим к убеждению, что всех отмеченных случаев вполне достаточно, чтобы признать, что выражение «лишение свободы» в Кодексе не имеет вовсе смысла «лишение свободы без строгой изоляции», как мы склонны были одно время думать, а должно быть понимаемо не иначе, как имеющее смысл «лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой». Теперь нам становится ясным, почему Кодекс, придавая настолько значения детальной формулировке своих санкций, что он в отдельных статьях специально оговаривает конфискацию «всего или части» имущества, ни в одной статье как бы не предвидел случая, когда формулировка санкции могла бы предусмотреть оба вида лишения свободы, т.-е. когда Кодекс мог бы выразиться «карается лишением свободы со строгой изоляцией или без таковой».

Итак, мы установили, что в случаях, когда статьи Кодекса содержат простое упоминание о «лишении свободы», суд, смотря по обстоятельствам дела, может назначить таковое в форме строгой изоляции или в виде лишения свободы без строгой изоляции. Когда же Кодекс прямо

оговаривает «лишение свободы со строгой изоляцией», это его постановление, как мы выяснили в первой половине нашей статьи, имеет только смысл рекомендации суду применить строгую изоляцию и несколько более связывает суд только при подходе к нижнему пределу наказания в случаях, соответствующих пункту а ст. 27. Одним словом, упоминание в санкции о строгой изоляции безусловно обязывает суд лишь особо поставить на свое разрешение вопрос, требуется ли строгая изоляция данного осужденного.

Только в тех случаях, когда санкция какой-либо статьи содержит лишение свободы, как альтернативное наказание, наряду с принудительными работами без содержания под стражей, применение строгой изоляции мало соответствовало бы намерениям законодателя.

Ст. 34 устанавливает, что лишение свободы «отбывается в местах лишения свободы (исправительно-трудовых домах, трудовых сельскохозяйственных и ремесленных колониях, переходных исправительных домах) в зависимости от тех мер исправительного воздействия, которые являются для исправления преступника необходимыми». Это не значит, между тем, что дело суда определить и зафиксировать в своем приговоре, в какого рода место лишения свободы, а тем более, в какое конкретное место лишения свободы данного их рода надлежит поместить осужденного. Напротив, ст. 51 предусматривает существование для этого губернских распределительных комиссий, «которые определяют для каждого лишенного свободы вид исправительно-трудового учреждения, ведают переводом из одного исправительно-трудового учреждения в другое». Таким образом, было бы даже неправильно, если бы суд стал указывать в приговорах для каждого осужденного род или определенное место лишения свободы. Такие указания суда только стеснили бы губернскую распределительную комиссию в исполнении ее прямой функции, осуществлять которую она более, чем суд, компетентна; во всяком случае, указания эти, даже включенные в приговор, для распределительной комиссии не обязательны. Еще более неправильным является продолжающееся некоторыми судами и после издания Кодекса вынесение приговоров, присуждающих к содержанию в концентрационном лагере, каковое место лишения свободы вовсе не предусмотрено ст. 34-й.

Лишение свободы может быть назначено условно (ст. 36), а, с другой стороны, к отбывающим безусловное лишение свободы может быть применено условно-досрочное освобождение (ст. 52). Условие признается нарушенным в случае совершения нового тождественного или однородного преступления в течение назначенного судом (при условном осуждении) испытательного срока или (при условно-досрочном освобождении) в течение неотбытого срока наказания. В этом случае «лишение свободы по условному приговору отбывается осужденным по вступлении в силу обвинительного приговора по новому делу и притом **независимо от назначенного последним наказания**» (ст. 37), а «неотбытая часть наказания присоединяется к наказанию за новое преступление приговором суда, разбиравшего дело по обвинению в последнем» (ст. 54), причем и та и другая статьи пред-

усматривают, что общий срок подлежащего отбытию лишения свободы не должен в результате их применения превышать 10 лет.

Мы знаем, что, согласно ст. 4 Уголовно-Процессуального Кодекса, «уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжаемо и подлежит прекращению во всякой стадии процесса», в случае, между прочим, истечения давности (п. 4) или вследствие акта об амнистии или помиловании (п. 6). Следует поэтому подчеркнуть, что п.п. 4 и 6 ст. 4 Уголовно-Процессуального Кодекса неприменимы, когда речь идет о новом тождественном или однородном преступлении, совершенным условно-осужденным за такое преступление или условно-досрочно освобожденным от наказания за таковое. Тут, ведь, недостаточно факта нарушения условия, а требуется, в силу ст.ст. 37 и 54 Уголовного Кодекса, для наступления предусмотренных ими последствий для преступника, чтобы условие было **признано** нарушенным и притом признано **новым приговором** суда. Значит, во всех таких случаях дело, несмотря на наличие давности или помилования, должно быть доведено до конца и должен быть постановлен приговор. Именно, надо думать, по таким соображениям, несмотря на наличие п.п. 4 и 6 ст. 4 Уголовно-Процессуального Кодекса, в него введен п. 2 ст. 330, согласно коему «суд выносит приговор об освобождении подсудимого, признанного виновным, от наказания по амнистии или давности». Хотя ст.ст. 37 и 54 Уголовного Кодекса как бы предполагают, что бывшее ранее условным или неотбытое наказание присоединяется **к наказанию** за новое преступление, но ясно, что основанием их присоединения является тут не факт вторичного наказания, а факт вторичного **осуждения**. Осуждение же («признание виновным») налицо и в случае п. 2 ст. 330 Уголовно-Процессуального Кодекса. Поэтому и здесь суд должен соблюсти все указанное в ст.ст. 37 и 54 Уголовного Кодекса о последствиях нового осуждения для ранее условно-осужденного или досрочно-освобожденного. В таком смысле и следует понимать и применять ст. 480 Уголовно-Процессуального Кодекса.

Остается еще вопрос о том, как понимать слова «тождественное или однородное преступление». Мы полагаем, что под «тождественным» преступлением разумеется преступление того же состава, т.е. предусмотренное той же статьей и той же ее частью. «Однородным» же преступлением будет, прежде всего, преступление того же, в основном, состава, при наличии квалифицирующих или даже смягчающих обстоятельств, а затем и всякое иное преступление, при однородности того общественного интереса, которому оно угрожает, с интересом, которому угрожало предыдущее преступление, поскольку за вторичное преступление не положено резко отличного по своей мягкости наказания. Так, например, умышленное тяжкое телесное повреждение и умышленное убийство мы, несомненно, признаем однородными преступлениями. Но, с другой стороны, неосторожное убийство не может быть признано однородным преступлением с умышленным убийством.

Н вопросу о роли прокуратуры при производстве предварительного следствия и в стадии предания суду.

(Опыт комментария к постановлениям Уголовно-Процессуального Кодекса).

Уголовно-Процессуальный Кодекс возлагает на прокуратуру обязанность возбуждать уголовное преследование перед судебными и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению (ст. 9 Код.).

Прокурор должен принимать все заявления по поводу совершившихся или готовящихся преступлений. Он делает предложения о начатии дознания или предварительного следствия и эти предложения прокурора являются безусловно обязательными для органов дознания и следствия (ст. 99, 101, 109, 121 Кодекса). Прокурор имеет право сделать распоряжение о производстве предварительного следствия по любому делу (ст. 110 Кодекса). Следователь сообщает прокурору в течение суток о начатии следствия, такая же обязанность лежит на органах дознания (п. 1 и 3 ст. 101 Кодекса).

Как общее правило, прокурору принадлежат функции надзора, а отчасти и руководства производством предварительного следствия и дознания. Прокурор имеет право знакомиться со всеми материалами по делу, давать указания органам дознания и следователю о направлении и дополнении дознания и следствия. Указания эти обязательны как для органов дознания, так и для следователя (ст. 109, 121 Кодекса). Неясным представляется вопрос о праве прокурора предъявлять следователю требования о производстве определенных, точно указанных им действий, например, допроса определенного свидетеля. Исходя из сопоставления цитируемых 109 и 121 статей Кодекса и из общего характера следовательских обязанностей, следует прийти к выводу, что такого права прокурору Кодекс не предоставляет. Ст. 109 прямо указывает, что прокурор может предлагать органам дознания произвести те или иные действия, по отношению же к следователю в ст. 121 Кодекса это положение выражено в более общей форме, — указания прокурора касаются здесь, вообще, направления и дополнения следствия*), так как Кодекс совершенно не придает обязанностям следователя характера прямой подчиненности, рассматривая его как лицо ответственное и за ход следствия, и за отдельные совершенные им действия. Выводы из сказанного могут быть таковы: прокурор дает предложение следователю о необходимости вести следствие в том или другом направлении, указывает на необходимость выяснения определенных обстоятельств (ср., например, ст. 231 Кодекса), но принятие тех или других конкретных мер по выполнению этих положений предоставляется усмотрению следователя, за исключением случаев прямо в законе указанных. Вопрос этот должен быть разрешен при первых же шагах деятельности прокуратуры,

так как в противном случае мы рискуем свести следственный аппарат к роли исполнительного органа прокуратуры.

Особо предусматривается Кодексом право делать предложения следователю о принятии, изменении или отмене мер пресечения (ст. 151 Кодекса). В этом случае в виде исключения Кодекс устанавливает возможность пререкания между следователем и прокурором. Окончательное разрешение вопроса зависит от суда, которому подсудно дело. Следует признать, что **следователь в данном случае до разрешения пререкания судом не обязан подчиняться предложению прокурора.**

Надзор прокуратуры за правильностью и целесообразностью заключения под стражу может быть осуществлен ею очень полно и широко, так как ст. 163 Кодекса обязывает следователя сообщать прокурору о всяком случае избрания в качестве меры пресечения лишения свободы. Мера пресечения, избранная по предложению прокурора, может быть изменена следователем лишь с согласия последнего (ст. 164 Кодекса). Само собой разумеется, что таким же путем должен быть разрешен и вопрос о принятии меры пресечения, если таковая была отменена по предложению прокурора.

Особый характер осмотра и выемки почтовой телеграфной корреспонденции заставляет требовать в каждом отдельном случае специального разрешения прокурора (ст. 189—191, 193 Кодекса).

Кодекс не предусматривает особо права прокурора присутствовать при производстве следственных действий, но следует прийти к заключению, что такое право вытекает из общих прав прокуратуры по надзору за следствием и из права ее знакомиться с следственным производством в любой момент. Однако, прокурор из роли органа наблюдающего не должен переходить в роль лица непосредственно производящего следствия, эти обязанности всегда и в полной мере сохраняются за следователем.

Предварительное следствие должно быть закончено в течение двух месяцев со дня объявления подозреваемому лицу о привлечении его в качестве обвиняемого. При невозможности закончить производство в указанный срок следователь сообщает прокурору о причинах замедления окончания следствия (ст. 119 Кодекса). Прокурор должен в связи с положением дела или признать причины задержки основательными, или дать указания следователю о мерах, необходимых для ускорения следствия, или, наконец, привлечь следователя к дисциплинарной ответственности.

Прокуратура в стадии предварительного следствия выступает, помимо роли органа, надзирающего за его производством, также и в качестве органа, рассматривающего жалобы на действия следователя. При этом решение прокурора не является окончательным, оно как заинтересованным лицом, так и следователем может быть обжаловано в суд (ст. 224 Кодекса). Редакция статьи

*) Редакция по вопросу о подчиненности следователя прокурору держится иного мнения: все указания прокурора для следователя безусловно обязательны, за исключением случаев, оговоренных законом, как, напр., это сделано статьей 151 Уг. Пр. Кодекса о праве пререкания с прокурором. Редакция.

216 Кодекса, устанавливающей право обжалования следственных действий, представляется несколько неясной. Пункт 2-й этой статьи указывает, что жалобы на действия следователя, как общее правило, приносятся суду того района, в котором расположена камера следователя, или тому суду, при котором следователь специально состоит, пункт же 3-й той же статьи перечисляет те действия следователя, жалобы на которые приносятся прокурору. Сюда относятся: «жалобы на медленность производства, несоблюдение сроков предъявления обвинения, принятие мер пресечения и незаконные действия следователя». Перечень этот охватывает, как видим, почти все неправильные действия следственных органов. В каких же случаях жалобы могут быть поданы непосредственно в суд? Буквальный текст статьи ответа на этот вопрос не дает. Нельзя, однако, не прийти к выводу, что жалобы на действия следователя в случаях, предусмотренных п. 3 ст. 216 Кодекса, могут быть, по усмотрению жалобщика, поданы или в суд, или прокурору, как это и предусматривает ст. 217 Кодекса. Такая постановка вопроса не противоречит и общему смыслу XVIII главы Кодекса, так как окончательное разрешение жалоб на следователя всегда зависит от суда (ст. 224 Кодекса). Таким судом опять-таки является, согласно вышеприведенной 216 ст. Кодекса, суд, в районе которого расположена камера следователя. Практически такой подход к решению вопроса является важным потому, что он, при малом количестве членов прокуратуры и часто отдаленности их от следователя, будет содействовать быстрой рассмотрении жалоб.

Жалобы на действия органов дознания разрешаются прокурором (ст. 109 Кодекса).

Дальнейшая деятельность прокурора заключается в рассмотрении представленных ему актов дознания и предварительного следствия и определении порядка последующего движения дела.

Дознание направляется прокурору производящими его органами в двух случаях: 1) если дознанием не установлено в деле признаков преступления или не обнаружены виновные и 2) если за деяние, совершение которого установлено дознанием, назначено Уголовным Кодексом наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года (ст. 107 Кодекса), при этом прокурор вправе направить поступившее к нему дело для дополнительного дознания или передать его следователю для производства предварительного следствия (ст. 226 Кодекса).

Дознания, представленные непосредственно прокурору, этот последний может прекращать собственной властью при наличии обстоятельств, устраняющих ответственность или в случае недоказанности вины обвиняемого, или отсутствия в деянии признаков состава преступления (ст. 226 Кодекса). Во всех остальных случаях дознание направляется прокурором с постановлением о предании суду в соотвествующий судебный орган (ст. 227, 228 Кодекса).

Иной порядок определяет деятельность прокуратуры в тех случаях, когда по делу производилось предварительное следствие. Направив дело в суд к прекращению, следователь уведомляет о том прокурора (ст. 207 Кодекса). Этот последний

может письменно или лично представить суду в распорядительном заседании свои возражения против прекращения дела (ст. 230 Кодекса). Определение суда о прекращении дела, во всяком случае, сообщается прокурору, который может обжаловать его в обычном порядке (ст. 208 Кодекса).

Вопросы о приостановлении или возобновлении предварительного следствия разрешаются судом также после выслушания заключения прокурора (ст. 209 Кодекса).

Исследование рассматриваемых статей приводит к выводу, что дача заключения прокурором по вопросу о прекращении дела является его правом, но не обязанностью, и что, таким образом, дело может быть прекращено производством и без выслушания заключения прокурора.

В то время как следствие, подлежащее прекращению, препровождается следователем непосредственно в суд лишь с извещением о том прокурора — следствие с обвинительным заключением следователем направляется всегда прокурору (ст. 215 Кодекса), этот последний может возвратить дело следователю для доследования (ст. 231 Кодекса), войти в суд с предложением о прекращении дела (ст. 232 Кодекса), сообщить суду о своем согласии с обвинительным заключением следователя (ст. 233 Кодекса) или, наконец, представить суду вместе с делом свое собственное заключение (ст. 233 Кодекса).

Прокурор во всех случаях имеет право лично поддерживать свои предложения в распорядительном заседании суда (ст. 232 и 236 Кодекса).

Собственное обвинительное заключение прокурор составляет лишь в том случае, если он найдет нужным изменить вполне или отчасти обвинительное заключение следователя. Заключение прокурора в этом случае заменяет мнение следователя и это последнее даже не сообщается суду, рассматривающему дело (ст. 233 Кодекса).

Независимо от согласия или несогласия с мнением следователя по вопросу о квалификации преступления прокурор дополняет заключение следователя сообщениями о мере пресечения и уведомляет суд о том, считает ли он необходимым поддержание обвинения на суде (ст. 235 Кодекса).

Народный судья по делам, по которым производилось лишь дознание, при наличии постановления прокурора о предании суду назначает дело к слушанию в судебном заседании (ст. 238, 253 Кодекса).

По аналогии с этим постановлением должно разрешаться и предание суду по делам, поступающим в суд непосредственно от прокурора без производства дознания или следствия.

Дела, поступившие от следователя или прокурора для разрешения вопроса о прекращении дела или предания суду, рассматриваются судом в распорядительном заседании, от которого и зависит в подлежащих случаях окончательное утверждение представленного обвинительного заключения или замена его новым (ст. 239—244 Кодекса).

Уголовно-Процессуальный Кодекс намечает, таким образом, две формы предания суду, при чем по делам, по которым предварительного следствия не производилось, такое предание суду осуществляется непосредственно прокурором, если дело поступает от этого последнего. В делах, в ко-

торых имело место предварительное следствие, прокурор лишь дает свое заключение. Прокурор не принимает участия в предании суду, когда дело поступает непосредственно в суд (ст. 237 Кодекса), при чем к числу таких дел могут быть отнесены все дела, рассматриваемые с двумя народными заседателями (ст. 99, 101—п. 4, 110 Кодекса). Такое устранение прокурора от участия в предании суду по данной категории дел объясняется тем, что все более или менее значительные дела, несомненно, пройдут через стадию предварительного следствия или дознания, непосредственно же на судебное рассмотрение без предварительного расследования будут поступать лишь дела мало-важные, не представляющие никакого общественного интереса и не угрожающие подсудимому значительным наказанием. Вместе с тем, однако, представлялось бы все-таки желательным извещение народным судьей прокурора о предании суду по делам, по которым обвиняемому грозит лишение свободы на срок свыше 1 года, по аналогии с п. 3 ст. 107 Кодекса.

Неясной представляется в рассмотренной 237 статье Кодекса ссылка на статью 107. По буквальному смыслу этой последней статьи дело должно быть направлено к прокурору для прекращения. Между тем, во всех иных случаях, как-раз, наоборот, прокурор входит в суд с предложением о прекращении дела—и разрешение этого вопроса зависит от суда. Суд как бы становится здесь в подчиненное положение по отношению к прокуратуре.

Большое практическое значение должен иметь вопрос об обжаловании действий самой прокуратуры по делам, находящимся в стадии предварительного следствия и предания суду. Кодекс в некоторых случаях прямо отпределяет порядок такого обжалования (ср., например, ст. 100, 224 Кодекса), в других случаях обжалование должно принять форму протеста против действий следователя, хотя бы эти последние и явились результатом предложения прокурора. Порядок направления таких жалоб определяется гл. XVIII Кодекса, причем, конечно, жалобщик согласно ст. 216 и 217 Кодекса имеет право обратиться непосредственно в суд. Такой путь представляется с практической точки зрения наиболее целесообразным.

Вряд ли возможно обжалование действий прокуратуры по преданию суду как в том случае, когда разрешение этого вопроса предоставлено прокуратуре, так и тогда, когда прокурор входит с своим заключением в суд.

Кодекс не устанавливает порядка обжалования действий прокурора по надзору за производством дознания и постановления его являются в этих случаях окончательными (ст. 109 Кодекса); исключением представляется право обжаловать прекращение прокурором дознания (ст. 226 Кодекса), жалоба на действия прокурора приносится тогда в суд, которому подсудно дело.

Взаимоотношения между судом и прокуратурой в стадии предварительного следствия и предания суду принимают форму до известной степени подчинения прокуратуры суду. Этот последний имеет в целом ряде случаев, как мы видели, право отмены распоряжений прокурора, в других случаях, когда дело идет о руководстве предваритель-

ным следствием, заинтересованная сторона имеет возможность добиться отмены распоряжения прокурора путем обжалования соответствующих действий следователя опять-таки в суд. В какие формы выльется в жизнь это взаимодействие, покажет дальнейшая практика, но в Кодексе рассматриваемая точка зрения выражена вполне определенно.

Подводя итоги сказанному, следует прийти к выводу, что прокуратуре Уголовно-Процессуальным Кодексом отводится достаточно широкая роль как в стадиях дознания и предварительного следствия, так и в стадии предания суду. Прокурор может в известных случаях изменять подсудность дела (ст. 27 Кодекса), ему предоставлено право делать распоряжения о начатии предварительного следствия по делам, по которым производство такового, по общему правилу, не требуется (ст. 110 Кодекса). Прокурор, как указывалось выше, дает непосредственные распоряжения органам дознания, эти последние без его санкции не могут прекратить ни одного дознания. Прокурор руководит предварительным следствием, рассматривает жалобы на действия следователя, проверяет его обвинительные заключения и, наконец, дает свои заключения о предании суду.

Структура процесса по Кодексу такова, что позволяет прокурору быть постоянно в курсе дознания и следствия. Прокурор получает извещение от органов дознания о начатии дознания, о направлении его к следователю; к прокурору направляются все дознания, подлежащие прекращению. Следователь сообщает прокурору о начатии предварительного следствия, о принятии мер пресечения, через прокурора проходят дела, по которым следствие закончено. В случае замедления следствия следователь обязан довести об этом до сведения прокурора. Прокуратура, таким образом, получает возможность следить за делом в течение всего хода предварительного расследования, давая ему надлежащее направление. К кругу непосредственного наблюдения прокуратуры отнесены все дела, по коим обвиняемому угрожает наказание свыше 1 года лишения свободы, если по ним производится дознание, и все без исключения дела, по коим производится предварительное следствие.

Устанавливая непосредственный надзор за производством предварительного следствия со стороны органов публичного преследования преступлений, Кодекс устраняет существовавшую до сих пор оторванность представителей государственного обвинения от следственного аппарата; вступая в дело, большею частью, уже после того как оно назначено в слушанию, обвинитель лишен был возможности пополнить тот материал, который был добыт расследованием преступления. Его мнение, сложившееся в результате ознакомления с бумажным материалом, часто рушилось при соприкосновении в зале заседания с живыми людьми. Наблюдая за ходом дознания и следствия, проверяя выводы следователя, защищая свою точку зрения в распорядительном заседании суда, прокурор-обвинитель сможет, конечно, и в судебном заседании выступить с достаточно полным арсеналом проверенных и профильтрованных данных. Избавляя суд от рассмотрения массы необоснованных дел, прокуратура в той ее постановке, которая придается Кодексом, должна служить га-

рантией против неосновательного привлечения к суду.

Спорным представляется преимущество составления обвинительного заключения по делу не прокуратурой, а следователем. В пользу такой постановки говорит сравнительная легкость для следователя составления такого заключения ввиду его знакомства с делом. Но в то же время составление обвинительного заключения является важным, а часто и необходимым способом проверки выводов следствия. Всегда следует опасаться слишком поверхностного отношения со стороны прокуратуры к проходящим через ее руки актам предварительного следствия. Обязанность самому дать оценку добытого материала всегда будет служить гарантией действительно основательного знакомства членов прокуратуры с делом. Кодекс стал на иную точку зрения, очевидно, учитывая необходимость наибольшей экономии сил.

Вряд ли целесообразно также почти полное устранение прокуратуры от влияния на ход дознания по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно (рассматриваемым с 2-мя народными заседателями). Дознание поступает к прокурору, если угрожаемое обвиняемому наказание свыше 1 года лишения свободы, только после того как собран весь материал по делу. До этого времени органы дознания никаких сведений о начатии дознания, мерах пресечения прокурору не дают (ст. 107—п. 3, 101—п. 1, 106—ч. 2, Кодекса). А между тем, дознание может в силу ст. 107 Кодекса производиться в течение месяца и надзор со стороны прокуратуры, напр., за правильностью предварительного заключения по этим сравнительно маловажным делам представляется особенно необходимым.

М. Коваленков.

По вопросу о нашей карательной политике.

В последнее время органы юстиции выдвигаются в ряду всех органов соввласти на одно из первых мест. На них возложено наблюдение за законностью, борьба с преступностью путем применения судебной репрессии, исправление преступника.

Судебные органы только тогда осуществляют ответственные задачи, возложенные на них, когда будет проводиться определенная, твердая карательная политика, что возможно лишь при условии сосредоточения всей карательной деятельности в органах юстиции же.

Об этом авторитетно заявил состоявшийся съезд деятелей юстиции РСФСР и всех союзных республик, это признано и сессией ВЦИК, утвердившей Уголовный Кодекс, ст. 51 которого гласит: «Надзор и руководство по исполнению приговоров к лишению свободы и принудительным работам возлагается на Центральный Исправительно-Трудовой Отдел Народного Комиссариата Юстиции и его органы на местах, осуществляющие свое руководство через: 1) губернские распределительные комиссии, которые определяют для каждого лишенного свободы род исправительно-трудоустройства, а также ведают переводом из одного исправительно-трудоустройства в другое; 2) наблюдательные комиссии... и 3) бюро принудительных работ, которые ведут учет приговоренных к принудительным работам и направляют их на работу через отделы труда (исполнительных комитетов советов)».

Между тем, в жизнь это не проводится: с одной стороны, не все карательные органы сосредоточены в НКЮ; лагеря принудработ и бюро принудработ находятся до сего времени в ведении органов НКВД, с другой, сами эти органы, как по своей конструкции, так и по деятельности совершенно не соответствуют требованиям времени и подлежат реорганизации.

Лагеря принудительных работ организованы в первые годы революции, согласно декрета ВЦИК, о лагерях принудработ (Собр. Узак. за 1919 г., № 12,

ст. 214, и № 20, ст. 235). Согласно этим декретам, «заключению в лагерях принудительных работ подлежат те лица и категории лиц, относительно которых состоялись постановления отделов управления, чрезвычайных комиссий, революционных трибуналов, судов и др. советских органов, которым предоставлено это право декретами и распоряжениями».

Циркуляром НКЮ от 4-го июня 1921 года строго определена та категория преступлений, которые влекут за собой заключение в лагеря принудработ, а именно: 1) лица, уклоняющиеся от общепользовательного труда (праздношатающиеся), 2) лица, виновные в саботаже, 3) мелкие спекулянты, 4) контр-революционеры, не представляющие явной опасности для республики, 5) труд-дезертиры, 6) незлостные дезертиры, не прибегнувшие к подделке документов, 7) лица, совершившие должностные преступления не корыстного характера.

В настоящее время этот циркуляр потерял всякое значение, как потому, что большинство указанных выше проступков теперь не караются, так и потому, что Уголовный Кодекс не предусматривает приговаривание к заключению в определенный тип места лишения свободы, как, вообще, не предусматривается существование лагерей принудработ.

Вышецитированная статья 51-я Уголовного Кодекса дает право перевода из одного вида исправительно-трудоустройства в другой губраспредкомиссиям. Таким образом, лагеря принудработ в том виде, как они сейчас существуют, и находясь при НКВД, а не при НКЮ, совершенно не нужны судебным органам. Точно также они потеряли всякое значение для ГПУ, ибо со времени реорганизации ЧК ГПУ имеет право административного наказания в виде лишения свободы в исключительных случаях по отношению к опасным элементам, характер изоляции которых должен быть, во всяком случае, другой, чем тот, который существует в лагерях принудработ. Содержать же эти лагеря специально «для отдела управления

и других советских органов, коим предоставлено декретами и распоряжениями право административного наказания в виде заключения под стражу», как то говорит декрет о лагерях принудработ, не имеет смысла, как потому, что чрезвычайно мало органов, обладающих таковыми правами, так и потому, что эти органы мало пользуются предоставленными им правами. Надо принять во внимание, что органы ГПУ, милиции и угрозыска имеют специальные арестные дома для лиц подозреваемых в преступлениях, при чем эти лица должны быть переданы в общие места заключения, как только дело о них передано в судебные и следственные органы.

Таким образом, лагеря принудработ совершенно не соответствуют требованиям времени. Они должны быть реорганизованы следующим образом: лагеря принудработ должны носить характер мест лишения свободы с более ослабленным режимом. Туда должны заключаться все несовершеннолетние (до 18-ти лет), осужденные судебными органами и все те лица, которые по постановлениям распределительной комиссии должны быть переведены в более легкий по режиму вид исправительно-трудового учреждения, либо по характеру преступления, либо благодаря обнаруженному исправлению. Для того, чтобы этот принцип был проведен в полном согласии с началами карательной политики и чтобы этим же началам соответствовал режим данного исправительно-трудового учреждения, лагеря принудработ необходимо немедленно ввести в общую систему исправительно-

трудовых учреждений, передав их в ведении ИТО.

То же самое нужно сказать по отношению к бюро принудработ без лишения свободы. Принудительные работы без лишения свободы—создание революции. Эта мера наиболее отвечает тенденциям современной карательной политики, основная цель которой не возмездие и устрашение, а приспособление преступника к социальным условиям путем приучения его к труду и т. д. Уголовный Кодекс вполне правильно широко применяет эту меру наказания. Но это наказание останется фикцией и приведет к падению авторитета судебных органов, если бюро принудработ будут оставлены в том виде, как они существуют сейчас. Труд осужденных в большей части не используется, нет никаких определенных принципов при осуществлении этой меры наказания. А между тем, она мыслится органами юстиции, как следующая степень наказания после принудработ с лишением свободы.

Для успешного применения этого вида наказания необходимо передать заведывание бюро принудработ тем органам, которые ведают всем карательным делом.

Политика карательных органов должна соответствовать и составлять продолжение политики судебной репрессии судебных органов. Это требует объединения судебных и карательных органов в одном ведомстве—в Народном Комиссариате Юстиции.

Ф. Гавзе.

Судебные пошлины и госучреждения.

За последнее время стали раздаваться голоса, доказывающие необходимость изменения 98 ст. Положения о Народном Суде («Известия ВЦИК», № 41 1922 года), согласно которой «Госучреждения и предприятия уплачивают судебную пошлину в установленном порядке расчетных операций между госорганами», и предлагающие от уплаты судебных пошлин госорганы совсем освободить. Так как в результате неудачных торговых операций многих госорганов потребность в обращении к судебной защите своих интересов для них будет увеличиваться, одновременно с этим будут увеличиваться аналогичные заявления как общего, так и частного (освободить «в виде исключения» или освободить «впредь до») характера—представляется своевременным на вопросе этом остановиться.

Сторонники освобождения госорганов от уплаты судебных пошлин выдвигают целый ряд соображений, которые могут быть сведены к двум основным группам. Прежде всего, здесь имеется ссылка на несоответствие взимания судебной пошлины с госорганами нашей общей финансовой политике, в частности, нашей налоговой политике, которая как раз идет по пути облегчения деятельности госорганов, проникнута стремлением поставить госорганы в более привилегированное положение, возлагая всю тяжесть налогового бремени на частные предприятия и частных лиц. Этот мотив повторяется на все лады в разных выражениях. Действительно, согласно ст. 1 Устава о гербовом сборе

(Собрание Узаконений 1922 года, № 9, ст. 89) «от гербового сбора освобождаются все госучреждения и госпредприятия, освобождаемые от промыслового сбора», и, таким образом, значительная часть госорганов пользуется налоговой льготой. Что же касается промыслового налога, то Положение о промысловом налоге («Известия ВЦИК» от 10/II—22 года, № 32) устанавливает в виде общего положения (ст. 4), что государственные, коммунальные, кооперативные и т. п. предприятия облагаются промысловым налогом на общих основаниях, за исключением поименованных в особом списке. Таким образом, только в порядке исключения некоторые, имеющие особо важное государственное значение предприятия могут быть, если Наркомфин найдет это целесообразным, освобождены от промыслового обложения. Если обратиться к списку освобождаемых от промыслового обложения предприятий, составленному согласно ст. 14 Положения (приложение 2-е к п. 1-му ст. 2-й Правил взимания промыслового налога), то не трудно увидеть, что он обнимает собой сравнительно небольшое количество госпредприятий.

Казалось бы, что если не все госорганы, то, по крайней мере, госучреждения и госпредприятия, освобожденные от гербовых и промысловых налогов, должны быть освобождены и от уплаты судебных пошлин. Но эта аргументация покоится на смешении двух совершенно самостоятельных явлений: налогов и пошлин. Невыдержанная тер-

минология, употребление в самых законодательных актах то одного, то другого наименования (сбор, налог, пошлина) не освобождает от необходимости исследовать в каждом отдельном случае юридическую и финансовую природу каждого сбора. Пошлина есть не что иное, как плата за услуги, оказываемые государством, это особый вид платности услуг. Иногда государственная власть из соображений политического характера находит более удобным взимание того или иного налога под видом пошлины, именно потому, что пошлины, являясь платой за услуги, оказываемые госучреждениям, встречаются населением не так недружелюбно, как налог. Это особенно часто имеет место при введении так называемых налогов на обращение. Но от этого суть дела не меняется. Гербовый сбор, промысловый сбор—это по существу налоги. Судебная пошлина—плата за суд, за ту работу, которую проделывает государство, разрешая и разбирая споры граждан между собой—это возмещение расходов. Судебная пошлина—не налог на обращение к суду, а плата за **отправление** суда. Следовательно вопрос об освобождении некоторых госучреждений и госпредприятий от уплаты судебных пошлин есть вопрос не о налоговых льготах, а о целесообразности и допустимости взаимной платности услуг, оказываемых госучреждениями друг другу. Но именно платность услуг, оказываемых одним госучреждением другому, является одним из основных элементов нашей экономической и финансовой политики. Поэтому необходимость вносить судебные пошлины со стороны госорганов не только не находится в противоречии с нашей финансовой политикой, а, наоборот, вытекает из нее, являясь ее прямым и непосредственным результатом.

Чувствуя всю шаткость рассмотренных положений в пользу освобождения некоторых госорганов от уплаты судебных пошлин, некоторые сторонники бесплатности суда идут дальше и последовательно подвергают сомнению самый принцип платности услуг, доказывая на примере судебных пошлин, что при его практическом применении страдают государственные интересы. Частные лица могут обращаться в суд за защитой своих интересов, но могут и не обращаться, если подсчитав расходы и взвесив шансы на благоприятный исход дела, не захотят производить сомнительных рас-

ходов. Госорганы же, стоя на страже общегосударственных интересов, не могут не предъявлять иска во всех спорных случаях и, наконец, отсутствие наличных сумм или соответственных кредитов и невозможность вследствие этого предъявить иск имеет своим последствием совершенно незаконное обогащение контрагентов государства за счет государства. Частное лицо, не имея средств на уплату судебных пошлин, может просить об освобождении его. Госорган этим правом воспользоваться не может. В нашей практике был случай обращения в суд госучреждения с просьбой освободить его от судебной пошлины в размере 20 миллиардов рублей по целой серии исков о расторжении договоров. Но в таких случаях мотивом к освобождению выставляется не «несостоятельность к уплате», а недопустимость взимания судебных пошлин с госучреждений. Но и эта более последовательная позиция не только страдает недостатками вышеуказанными, но и опровергается своей собственной практикой. Все те учреждения, которые так красноречиво и по-своему, убедительно доказывают нецелесообразность взимания судебных пошлин с госучреждений—следовательно, и принцип взаимной платности услуг—проводят в своей практике этот принцип со всей строгостью и неукоснительностью. Возьмем, примера ради наш транспорт. У него, надо думать, много судебных дел. От промыслового налога железные дороги освобождены и, если у НКПС не хватает средств для уплаты судебных пошлин—многие дельцы извлекут не малую выгоду из этого положения. Государственные потери налицо. Ну, а если судебному следователю надо ехать на следствие и отсутствие наличных денег в кассе губотюста задерживает поездку и следствие—интересы государства меньше страдают? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы понять, что нельзя выдергивать судебных пошлин из общей системы наших финансовых мероприятий, а одно из двух: либо госорганы должны уметь вести свои дела не хуже частных предприятий и платить за суд, либо поставить, вообще, вопрос о платности и бесплатности гражданского суда. Но таких выводов сторонники «изъятий для госорганов» не делают. И в этом их несостоятельность.

С. Прушицкий.

Обзор советского законодательства

за время с 9 по 29 июля 1922 года.

(Окончание *).

В целях поощрения виноделия в пределах Федерации издан

17. Декрет ВЦИК и СНК от 20 июля о **понижении акциза на виноградные вина туземного производства** («Изв. ВЦИК» от 25 июля, № 164). Установленный декретом 25 мая размер акциза понижен для виноградных вин крепостью до 14°

до 800 руб. за ведро, а в районах виноделия до 400 руб., кроме вин, продаваемых в городских поселениях и вывозимых за пределы районов. Вина большей крепости, а также изюмные вина, обложены в 2400 руб. за ведро; еще выше обложение игристых вин. Акциз с иностранных вин оставлен в прежнем размере.

В тех же целях поощрения вывоза некоторых товаров за-границу издано

*) См. № 29-30 «Еж. Сов. Юст.».

18. Постановление ВЦИК и СНК от 20 июля о сложении, возврате и зачете уплаченного акциза с товаров, вывозимых за границу («Изв. ВЦИК» от 27 июля, № 166). Устанавливается сложение, возврат и зачет акциза со спирта, виноградных вин, пива, соли, нефтепродуктов, табачных изделий и спичек. Постановление применяется во всей Федерации.

В виду значительной нужды в бумаге заграничного производства издано

19. Постановление СНК о понижении таможенной пошлины на бумагу от 7 июля («Изв. ВЦИК» от 28 июля, № 167).

Интересами борьбы с контрабандой, развившейся в пограничной полосе, вызвано издание

20. Постановления СНК от 14 июля о премировании задержателей контрабанды, реализации конфискованного таможенными учреждениями и бесхозного имущества («Изв. ВЦИК» от 27 июля, № 166). Премия задержателям контрабанды, установленная декретом от 24 ноября 1921 года (Собр. Узак., № 76, ст. 622), повышена до 70 проц. Все товары и предметы, задержанные и конфискованные за нарушение таможенных правил, продаются с публичных торгов. Остаток от вырученной суммы поступает в фонд социального обеспечения (поскольку сумма выручена от продажи продуктов питания) или в доход казны. Порядок реализации благородных металлов, ценных бумаг и иных ценных товаров, определяется особо.

Укрепление государственных финансов дало возможность приступить к предусмотренному.

21. Постановлением СНК от 19 июля («Изв. ВЦИК» от 29 июля, № 168) досрочному погашению беспроцентных обязательств образца 1922 года достоинством в 5000 руб. Выпуск этих обязательств из кассовых учреждений Наркомфина и Госбанка прекращается с 20 июля, прием же их означенными кассами в платежи и в обмен 1 октября 1922 года.

В целях установления однородности денежного обращения и упрощения расчетов издано

22. Постановление СНК от 28 июня («Изв. ВЦИК» от 19 июля, № 159) о прекращении с 1 июля выпуска из кассовых учреждений Наркомфина и Госбанка денежных знаков и обязательств всех выпусков до 1922 года. Прием этих же знаков и обязательств в платежи и к обмену прекращается: а) беспроцентных обязательств выпуска 1921 г.—1 января 1923 года; б) дензнаков 50 тыс и 100 тыс. рубл. достоинства—1 января 1923 года и в) других денежных и расчетных знаков—1 октября 1922 года.

23. Постановлением СНК от 6 июля о государственном страховании («Изв. ВЦИК» от 19 июля, № 159) все дело государственного страхования переведено на начала хозяйственного расчета. Для образования особого резервного капитала отпущено из государственных средств два миллиона пятьсот тысяч рублей золотом; этой суммой ограничивается ответственность государства по обязательствам Госстраха. Кроме резервного капитала, средства Госстраха образуют основной капитал, запасный капитал, резервы премий по страхованию и оборотный капитал. В распределении чистой прибыли обращает на себя внимание отчисление 15 проц. на улучшение быта сотрудников

и 20 проц. на принятие мер в предупреждение случаев, предусмотренных страхованием. Заведующие губфинотделов имеют лишь права общего надзора за местными конторами Госстраха, не вмешиваясь отнюдь в их оперативную деятельность.

24. Постановление СНК о порядке использования боев с подсобными при них предприятиями от 2 июня («Изв. ВЦИК» от 12 июля, № 153). Разгрузка государства от мелких предприятий продолжается. В ведении Наркомпрода оставляются бойни, необходимые для убоя скота по продналогу. Остальные продаются в ведение коммунальных отделов. Хладобойные заводы остаются в ведении Наркомпрода.

Весьма важная новелла к Уголовному Кодексу принята

25. Постановлением Президиума ВЦИК от 27 июля («Изв. ВЦИК» от 29 июля, № 168). Высшая мера репрессии не может быть применена к лицам, не достигшим в момент совершения преступления 18-летнего возраста.

26. Постановление ВЦИК и СНК о порядке пользования печатями с государственным гербом от 6 июля («Изв. ВЦИК» от 11 июля, № 152). Круг учреждений и лиц, имеющих право пользоваться гербовой печатью, точно указан. В ведомстве юстиции, кроме Наркомата, это право предоставлено ревтрибуналам, народным судам, прокурорам, следователям, судебным исполнителям; отделы юстиции обладают тем же правом, как самостоятельные отделы исполкомов.

27. Постановлением СНК об ответственности губисполкомов и губэконо за своевременность ответов на запросы управления делами и секретариата СНК и СТО от 21 июля («Изв. ВЦИК» от 28 июля, № 167) возлагает персональную ответственность на управляющих делами и секретарей губисполкомов и губэконо. Ответы на срочные запросы должны даваться в течение 48 часов, на остальные—в течение 5 дней. Ответственность установлена в дисциплинарном порядке.

Один из самых основных вопросов трудового права—порядок разрешения конфликтов между трудом и капиталом, между администрацией предприятий и учреждений, с одной стороны, и их рабочими и служащими, с другой—частично разрешен

28. Положением СНК о примирительных камерах и третейских судах от 18 июля («Изв. ВЦИК» от 22 июля, № 162). Новые органы учреждаются при органах Наркомтруда. Обращение к их содействию—добровольное, по соглашению сторон. Предварительно обращаются в примирительную камеру (построенную на паритетных началах, из представителей сторон, под председательством представителя органа НКТ). Если соглашение в примирительной камере не достигнуто, может быть образован третейский суд, опять-таки с согласия сторон. Только в случаях конфликтов на государственных предприятиях и учреждениях профсоюз может требовать образования третейского суда; принятие этого требования для госучреждений и госпредприятий является обязательным. Решения примирительных камер и третейских судов приводятся в исполнение по подписям подлежащего правосудия. Положение не разрешает всего вопроса о конфликтах. Слишком видное место отводится им соглашению сторон. А если согласия

одной из сторон на передачу дела в третейский суд или в примирительную камеру не последует или если не состоится решение в примирительной камере—каков тогда дальнейший путь к разрешению конфликта? Еще вопрос: каково отношение вновь предусматриваемых конфликтных органов к конфликтным комиссиям, учрежденным декретом СНК от 18 января, не отменяемым настоящим положением? Вопрос о порядке разрешения конфликтов является весьма серьезным и не может разрешаться по готовым трафаретам в государстве, все право которого проникнуто трудовыми принципами. Необходимо государственное вмешательство во взаимоотношения между трудом и капиталом последовательно распространить и на область конфликтную.

Кроме того, опубликованы:

29. Постановление СНК о дополнительных пособиях при отпусках («Изв. ВЦИК» от 9 июля, № 151). Фактически едущим в 1922 году в отпуск рабочим и служащим учреждения, предприятия и хозяйства возмещают половину стоимости проезда по железнодорожным и водным путям сообщения на расстояние не свыше 610 верст в один конец. Льготой этой пользуются лишь те трудящиеся, кто получает зарплату не свыше 12 разряда тарифной сетки.

30. Постановление ВЦИК и СНК от 6 июля о горно-спасательном и испытательном деле в РСФСР («Изв. ВЦИК» от 9 июля, № 151). Все горно-спасательные и испытательные станции в пределах Федерации состоят в ведении Главного управления горной промышленности ВСНХ, которое издает соответствующие обязательные постановления в этой области.

31. Постановление СНК от 5 июля об отсрочке введения трудгужналога во всех местностях, пострадавших от неурожая («Изв. ВЦИК» от 13 июля, № 154). Действие ст.ст. 1, 2 и 4 постановления СНК об осуществлении налога в местностях, пораженных неурожаем, от 26 апреля с.г. распространено на ряд губерний и уездов, в означенном постановлении не указанных.

32. Декрет СНК от 5 июля о порядке производства медикаментов («Изв. ВЦИК» от 13 июля, № 154). Право открытия фармацевтических заводов и лабораторий предоставлено кооперативам и частным лицам; соответствующие разрешения выдаются Президиумом ВСНХ и его местными органами. Порядок открытия предприятий и производство регулируются инструкцией ВСНХ, НКФ и НКЗдрава; продажа медикаментов—обязательными постановлениями НКЗ и ВСНХ.

33. Постановление ВЦИК и СНК от 14 июля об изменении ст. 1 декрета ВЦИК и СНК от 3 февраля 1922 года об отпуске спирта на технические и другие специальные надобности («Изв. ВЦИК» от 18 июля, № 158). Освобожден от обложения акцизом спирт, отпускаемый на приготовление военного снаряжения на государственных заводах, для медико-санитарных надобностей населения, удовлетворяемых в порядке бесплатного отпуска лекарств, на надобности учреждений военного и морского ведомств, не перешедших на хозяйственный расчет, и на специальные нужды государственных, научных и учебных учреждений.

34. Постановление СНК от 20 июля о премировании сотрудников уголовного розыска за раскрытие краж («Изв. ВЦИК» от 23 июля, № 163). Вводятся процентные отчисления с розысканного при содействии уголовного розыска похищенного имущества в размере 10 проц. (для имущества государственного и кооперативного) и 15 проц. (для имущества частных лиц и объединений). От отчислений освобождаются имущества стоимостью ниже 100 руб. золотом, а также предметы домашнего обихода и первой необходимости. Из отчислений образуется особый фонд, состоящий в ведении отделов управления исполкомов, для выдачи премиального вознаграждения сотрудникам уголовного розыска.

35. Постановление ВЦИК и СНК от 14 июля («Изв. ВЦИК» от 26 июля, № 165) поручает пересмотр государственного лугового фонда уземотделам в порядке, установленном для рассмотрения спорных земельных дел. Фонд, оставшийся после пересмотра, находится в ведении земельных органов, сдающих его в аренду, в первую очередь, Красной Армии, племенным хозяйством и учреждениям и предприятиям, состоящим на госснабжении, а во вторую—другим учреждениям и лицам, физическим и юридическим.

36. Постановлением СНК от 21 июля («Изв. ВЦИК» от 28 июля, № 167) ведение политико-просветительной работы в территориальных войсках передано из органов Главполитпросвета в политические секретариаты губвоенкоматов с оставлением идейного руководства за Главполитпросветом.

37. Постановлением СНК от 12 июля («Изв. ВЦИК» от 20 июля, № 160) установлено изъятие из действия декрета СНК от 27 апреля 1922 года «О выселении граждан в административном порядке из занимаемых ими жилищ» для домов ВЦИК и ВЦСПС и местных органов последнего, если эти дома предназначены для поселения в них рабочих и служащих этих учреждений. При оставлении рабочими или служащими своей работы или службы в означенных учреждениях они могут быть выселены в административном порядке распоряжением учреждений. Декрет от 27 апреля требует пересмотра в смысле расширения поводов для выселения в судебном порядке. Однако, увеличивать число поводов для выселения в административном порядке вряд ли представляется целесообразным.

38. Постановление СНК от 12 июля о выводе цен на древесину («Изв. ВЦИК» от 20 июля, № 160). Устанавливаются три категории цен на древесину: а) корневая—для трудового населения по нормам топливным и строительным; б) твердые—для госучреждений и предприятий и в) цены, устанавливаемые на публичных торгах, для других потребителей. Корневые цены устанавливаются по таксам 1914 года, выраженным в дензнаках 1922 года и увеличенным в 100 раз; твердые цены вдвое выше корневых.

39. Постановление СНК от 18 июля о порядке покупки и продажи лошадей в РСФСР («Изв. ВЦИК» от 22 июля, № 162). Разрешается свободная покупка и продажа пользовательных лошадей по рыночным ценам. Наркомзему предоставлено право запрещать закупку и вывод лошадей из определенных районов на определенный срок

или устанавливать районы, вывод лошадей из которых разрешается только военному ведомству.

40. Постановление ВЦИК и СНК от 14 июля о порядке установления штатов учреждений Р. С. Ф. С. Р. («Изв. ВЦИК» от 19 июля, № 159). Предусматривается установление твердых штатов не только для государственных учреждений и предприятий, но и для негосударственных, субсидируемых государством. Разработка штатов производится штатной комиссией при Наркомтруде; штаты утверждаются Президиумом ВЦИК.

41. Постановлением СНК от 28 июня («Изв. ВЦИК» от 15 июля, № 156) изменены правила об ответственности за утрату и повреждение почтовых отправлений (Собр. Узак. 1921 года, № 61). За утрату заказного отправления уплачивается пятидесятикратная сумма внесенного сбора. В случае утраты, повреждения или недостачи вложения страховых отправлений оплата производится следующим образом: если объявленная цена не превышает в 250 раз суммы взысканного сбора, таковая цена возмещается полностью; в случае же большей разницы—допускается оценка путем различных доказательств, между прочим, и экспертизы; материалом для оценки служит опись вложения. Выдача

вознаграждения производится по разрешениям губотделов связи (в сумме не свыше 250-тикратных сборов) и Наркомпочтеля.

Кроме того, опубликованы:

42. Постановление Президиума ВЦИК от 10 июля («Изв. ВЦИК» от 13 июля, № 154) о переименовании городов: Петровска в Махач-Кале и Темир-Хан-Шуры в Буйканск.

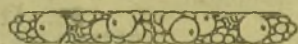
43. Постановление Президиума ВЦИК от 6 июля («Изв. ВЦИК» от 11 июля, № 152) о некоторых уездах Екатеринбургской губернии.

44. Постановление Президиума ВЦИК от 10 июля («Изв. ВЦИК» от 14 июля, № 155) о районировании Нижегородской губернии.

45. Постановление Президиума ВЦИК от 10 июля («Изв. ВЦИК» от 14 июля, № 155) о наименовании центральной группы копей Кузнецкого бассейна в Ленинскую.

46. Постановление ВЦИК от 17 июля («Изв. ВЦИК» от 21 июля, № 161) распространяет действие правил обязательной регистрации произведений печати на территории всех республик, входящих в РСФСР.

М. Брагинский.

Правые эс-эры перед судом пролетариата.

(Из залы суда).

Подсудимые - цемисты — защитники.

Первым говорит Гендельман. По его мнению, процесс эс-эров поставлен для поднятия в глазах рабочих престижа и авторитета Коммунистической партии, который, якобы, благодаря НЭП'у упал. В связи с этим коммунистам нужно было дискредитировать партию с.-р. и доказать, что партия была и осталась контр-революционной.

Говоря по существу предъявленных к эс-эрам обвинений, Гендельман вновь выдвигает положение о полной непричастности ЦК к террору. Под «старой испытанной тактикой партии», о которой так много говорилось на процессе, эс-эры разумели вооруженную борьбу масс. ЦК ни в какой степени не ответствен за предполагавшийся врыв поездов Совнаркома, который сам по себе поддежит сомнению, ибо здесь палило лишь простая демонстрация.

Первое покушение на т. Ленина—это вымысел. Второе—ЦК в нем ни с какой стороны не участвовал, санкции не давал и отвечать за него не может. Вообще, связи у ЦК с боевым отрядом Семенова не было. Семенов—человек диктаторских замашек. Он, видимо, хотел организовать свою собственную социалистическую группу, где он действовал бы на свой страх и риск. Для Семенова, Коноплевого и Капана санкция была не нужна. Так же, как в террористических актах, Семенов действовал самостоятельно и в экспроприациях. Гендельман далее подробно доказывает положения, выдвинутые им в оправдание партии.

Обвинения Гоца, Донского, Тимофеева, Ивановой и Герштейна в организации террора и эксов Гендельман считает его разъяснениями опровергнутыми. В

заключение он просит Трибунал при вынесении приговора наказать их всех одинаково, так как никто из первой группы не желает пережить друг друга.

Подсудимый Тимофеев в своей речи заявляет, что «ни покаяния, ни отречения, ни смирения» от них не дожидаться. После такого вступления он по существу подробно разбирается в сношениях с союзниками. Сношения были, но не с теми целями, которые им приписывают. Эс-эрам нужна была помощь, были нужны десанты вспомогательные, а не самостоятельные, не захватнические. Против последних эс-эры вели решительную борьбу.

Никаких соглашений с союзниками не было, ибо борьба велась собственными силами. Нет никаких объективных данных, которые бы точно устанавливали факт получения эс-эрами французских денег.

Что касается восточного фронта, то таковой был нужен для предотвращения тяжелых последствий Брестского мира. Восточный фронт мешал вывозу военнопленных, вывозу товаров и продовольствия из-за Волги, а это имело существенное значение.

Отказавшись от попыток осуществления своей идеи народовластия, эс-эры, как только советская власть стала всероссийской, высказались за ее признание, прежде де-факто, ныне даже де-юре.

Однако,—заканчивает Тимофеев—нам с вами не по пути и мы остаемся с теми, кого вы называете социал-предателями.

Гоц утверждает, что гражданская война не классовая война, а война внутри класса, ибо по обе стороны баррикад боролись трудящиеся. Виновники этой войны—большевики.

Он, однако, признает, что трулящиеся массы были на стороне Октябрьского переворота, последний же был санкционирован 2 Съездом Советов. Эс-эры, по его словам, были захвачены врасплох и их разрозненные силы не могли противостоять сплоченным большевистским. Победа осталась на стороне последних.

Вооруженное выступление 5 января не удалось потому, что у эс-эров не было сил, воинские части не пошли за ними.

5 января — поворотный пункт в большевистской политике. 5 января — день перехода от идеи учред. собрания к диктатуре меньшинства пролетариата над большинством трудящихся, над демократией.

В дальнейшем военная работа партии свелась к накоплению сил, которые впоследствии понадобились сначала для борьбы с большевиками (после 8 совета), а затем для борьбы с реакцией.

9 совет решил перейти на путь политической борьбы и добиваться политических свобод и демократических гарантий. Продолжается борьба за власть, но не за захват ее.

Мы были и остаемся социалистами — восклицает Гоц. Мы будем работать так же, как работали до сих пор. Мы выполним наш долг до конца.

Евг. Ратнер защищает идеологическую позицию партии эс-эров. Она доказывает, что ее партия не мелко-буржуазная, не надклассовая партия. Защита национальных интересов имела место «только во имя класса», ибо партия с 1900 г. все время шла по пути классового социализма.

Резкое разномыслие в партии — это не отрицательное явление, это, наоборот, при условии подчинения единому руководству — высшее достижение. Если не было единого руководства, то это объясняется невозможностью проводить единую линию при подпольной работе. Но не эс-эров в том вина.

Эс-эры не возражали бы против классовой диктатуры, если бы мандат на нее был дан большинством населения, так как только диктатура большинства над меньшинством приемлема для партии с.-р.

Ратнер в заключение пытается доказать, что ее партия не пособница буржуазии. Так, последняя строила на Брестском мире свои надежды — эс-эры же боролись против этого мира.

Подсудимый Раков в своей речи полемизирует с государственным обвинителем Покровским. Он утверждает, что партия с.-р. не отступала от тактики массовой партии, ибо она все время пыталась своей работой привлечь на свою сторону массы. Так, заводское восстание служит этому примером, ибо оно только совпало с чехо-словацким выступлением, по существу же было самостоятельным. Самарское правительство вообще, по мнению подсудимого, не опиралось на буржуазные группы и допускало на своей территории все демократические свободы. Если самарское правительство пало, то только потому, что у крестьянства не хватило сил для борьбы с реакцией.

Остальную часть своей речи Раков посвящает деятельности партии в колачковой Сибири и Черноморье, а равно доказательствам не причастности партии к тамбовским событиям.

Речи защиты 2-й группы эс-эров.

Защитником Коноплевой и Дашевского выступает г. Членов. Он оговаривает своеобразное положение

защиты, когда приходится защищать подсудимых одной группы в противовес подсудимым другой группы. Защита вынуждена доказать правдивость заявлений подсудимых из группы раскаявшихся, так как первая группа, цекисты, неизменно считают первых провокаторами, предателями, шкурниками и выдумщиками.

Подсудимые 1-й группы — это коллектив, сплоченный единством дисциплины и возглавляемый П.К. В показаниях цекистов противоречий не может быть, все они в этом процессе связаны и правды говорить не станут. Если, тем не менее, противоречия, все-таки прорывались, то только по пословице «шля в мешке не утаишь».

Отсюда теория: порядочный член партии не должен делать показаний, невыгодных для обвиняемых; преступающий это — предатель.

Какой расчет Семенову и Коноплевой говорить неправду, раз они сами на себя возводят тягчайшие преступления? Ведь, если даже исключить их показания, то все же остается ясным, что, хотя постановления о терроре и не было, имело место такое поведение членов П.К. которое поддерживало в наиболее взрывчатых элементах партии твердую уверенность, что террор полезен и П.К. его приветствует. Создавалась готовность перейти к действиям.

Ясно также, что П.К. террора не отвергал и считал, что он не есть что-либо такое, за что следует исключать из партии.

Смешны утверждения, что вопрос о терроре в П.К. не мог подниматься, так как, де, не было террористических настроений, в то время как налицо были уже факты: люди начали стрелять и стали падать жертвы.

Объявлять открыто террор, конечно, было нежелательно, но воспользоваться настроениями и ввести их в планомерное русло — это оказалось для П.К. приемлемым, ибо всегда можно было вести политику отречения.

Т. Членов считает доказанным факт организации покушения на Ленина с ведома и разрешения П.К. Даже больше. Семенов был срулием в руках членов комитета, которые стояли за террор. Эти члены комитета рассуждали так: «Не выйдет, можно отречься и большого вреда партии не будет. Выйдет — победителей не судят». Иначе и не могло быть.

Коноплева выдала своих бывших товарищей по партии, но после душевной трагедии, пришла к решимости, что именно так надо сделать во имя революции. Коноплева поступила в полной мере искренно, выстрадав отречение от партии, и не заслуживает осуждения.

Защитник Шубин защищает Семенова. Семенов — не предатель, ибо прежде, чем «предать», он стал открытым врагом партии. Открытый враг предателем не бывает. Защитить Семенова — это значит доказать правдивость и правильность его разоблачений. Анализ свидетельских показаний дает право утверждать, что все сообщенное Семеновым вполне совпадает с действительностью.

Несомненно то, что Семенов вел работу по директивам партии, так как если, по словам подсудимых 1-й группы, последнее имело место в военной работе, то нет оснований отрицать это для работы боевой.

Семенов решил перейти на сторону советской власти после целого ряда переживаний в тюрьме. Первым его шагом было вступить в ряды Красной армии

и пойти на польский фронт, чтобы искупить свои преступления перед революцией.

Расхождение его с партией началось с того момента, как он предложил ЦК совершить акт против Деникина, когда тот наступал вглубь России, ЦК же остановился на Колчаке, хотя тот был отброшен внутрь Сибири. Санкция на Деникина не была дана потому, что партия с.р. в то время находилась в контакте с ним.

С этого момента Семенов становился все большим и большим врагом партии. В нем, в конце концов, совершилось полное перерождение. «Если заканчивает Шубин свою речь—перед вами новый Семенов, то этому новому Семенову надо дать жизнь, так как она ему нужна для революции».

Защитник Кон посвящает свою речь защите подсудимых Ставской и Усова.

Эс-эры живут не настоящим, а прошлым—говорит он—и вовлекают в эту жизнь других, которые бегут к ним на огонек, веря, что они революционные, а падают в тину и убеждаются, что они видели только болотные огни. Нужны сильные средства, чтобы вытащить их оттуда.

В таком именно положении и оказались Ставская и Усов, которые были увлечены прошлым ПСР. Тяжелых душевных переживаний стоил отход от партии с.р. Но он совершился.

И тот, и другой достойны вернуться в ряды пролетариата и бороться вместе с ним. И тот, и другой должны получить не только жизнь, но и революционную честь.

Т. Биценко защищает подсудимых Зубкова и Федорова-Козлова. Их уход из партии—уход рабочих низов от несвоей среды. Сомнения в правоте дела в их душах стали нарастать с каждым днем после убийства Володарского. У них уже не было того порыва, с которым боевик бросается в бой, «святой и правый». Отречение ЦК от покушения на Ленина было тем толчком, который заставил их уйти из партии. Трибунал должен помочь тому и другому стать на боевые посты пролетариата.

После речей защитников подсудимых Ефимова и Пелевина т.т. Катаняна и Вегера с большой речью выступает т. Бухарин. Речь его, посвященная общей защите 2-й группы подсудимых, производит большое впечатление.

Центральным вопросом, по мнению подсудимых 2-й группы, является вопрос о приписываемом им обвиняемыми цекистами предательстве, совершенном первыми в отношении последних. Необходимо проанализировать этот вопрос с точки зрения социализма, необходимо выяснить, какой из групп подсудимых занимаемая ею позиция позволяет приписать название предателей.

Каково отношение партии с.р. к Интернационалу?

На диммервальдской и кшталеской конференциях эс-эры присоединились к резолюциям о неголосовании за военные кредиты и невхождении в буржуазные министерства. Через несколько месяцев после диммервальдской конференции партия эс-эров вошла в коалиционное министерство и тем самым предала принятый ею пункт о невхождении. Если партия формально и не голосовала за военные кредиты, то факт

июньского наступления (1918 г.) по указке английского империализма компенсирует первое.

В 1914 году эс-эры признали банкротство II Интернационала. Здесь, на суде, Тимофеев заявил, что II Интернационал воскрес, он больше не мертв, он вполне добропорядочное учреждение. Между тем, изменилась ли позиция его за прошедшие годы? Отнюдь нет. Наоборот, за это время II Интернационал сумел накопить на своей совести целые горы жесточайших преступлений.

Как и прежде, II Интернационал является тем звеном, той смычкой, которая существует между буржуазно-империалистической и финансово-капиталистической кликой Западной Европы и Америки с массами. Если революционный пролетариат не вышибет этой смычки, то он не сможет поразить и капиталистов.

И вот при таком-то положении вещей партия эс-эров, поддерживающая II Интернационал, предает рабочий класс так же, как предают его и остальные политические партии, входящие в этот Интернационал.

Какова позиция партии эс-эров в области внутренней? Партия с.р. совершенно определенно, твердо и сознательно отказалась от своей социалистической классовой позиции. Такова, по крайней мере, формулировка нынешней позиции партии по словам Евг. Ратнер. Правильней было бы, однако, сказать, что эс-эры предали свои социалистические классовые традиции.

С кем блокируются эс-эры? «В октябрьские дни о генералом Красновым, тем самым палачом, о котором та же Евг. Ратнер сказала: «Мир еще не видел такого террора, какой создал против пролетариата и крестьянства юга России вешатель Краснов». Год и Краснов вели войска на Питер для подавления октябрьской победы революционных рабочих. На протяжении всех лет гражданской войны красной нитью проходит та же самая позиция партии с.р. Любое правительство, любая контр-революционная организация обязательно насчитывают в своих рядах эс-эров. Они идут со всякой силой, если только острее этой силы направлено против советской власти.

Далее, внешняя политика партии эс-эров, а правильней—шпионаж. Партия, несомненно, систематически предавала интересы рабочего класса и в области внешней политики, и в области международного движения.

Везде и всюду предательство. И если группа лиц, вышедшая из партии, предала этих предателей, пригвоздила к позорному столбу своих руководителей—цекистов, то это их историческая заслуга перед международной революцией, перед революционным рабочим классом.

Такое поведение, такое систематическое предательство вытекает из состава социальной структуры партии эс-эров. Интересен тот факт, что кадровый состав высших руководителей партии—выходцы из семейств крупного капитала. С другой стороны, не случайно, что в связи с этим большинство эс-эровской верхушки идет на блок с кадетами. Использование этой буржуазной верхушкой в определенный исторический момент—борьбы с царизмом—интеллигентских разночинских кругов с опорой на крестьянство дало в результате то, что именуется ПСР.

Большевики обвиняют в том, что они являются

виновниками гражданской войны. Однако, у эс-эров были все преимущества в дни зачатия борьбы—тем не менее они понесли поражение.

Исторически неизбежно было то разрешение катехизма, что имело место. Ни буржуазия, ни коалиция не могли править страной,—большевики правят. При данном соотношении сил править может только пролетариат и только через партию коммунистов.

Тот социально-революционный процесс, который сейчас происходит повсюду, позволяет признать, что Октябрьская революция была первым застрельщиком в этом громаднейшем процессе, русский пролетариат—первым пролетариатом и большевистское правительство—первым виновником того громадного пожара, который, вопреки всем социал-соглашательским книжкам, все-таки разгорается.

На суде чекисты заверили, что отныне может идти речь о применении партией с.-р. не вооруженного метода борьбы, а методов политических. Но разве вооруженная борьба не есть политический метод? Ведь, паче с организации движения, направленного, по существу, против советской власти, если последняя не уступит, партия с.-р. перейдет к вооруженному выступлению, ибо с ее точки зрения в Советской Республике есть диктатура партии. Но диктатура партии—конечный пункт всех социалистических программ. Эс-эры сами везде, где находились у власти, практиковали безграничную партийную диктатуру. Разница между коммунистами и эс-эрами та, что первые всегда открыто говорят: советская диктатура есть определенная форма партийной диктатуры. Эс-эры же лицемерно никогда не признавались в том, что они это делали.

Переходя к вопросу о судьбе его подзащитных—обвиняемых 2-й группы—т. Бухарин оговаривается, что разрешение проблемы личности в Советской Республике заключается не в самоцели этой личности, а в строительстве нового общественного порядка, почему под таким знаком надо рассматривать вопрос и относительно рассказавшихся, его подзащитных. Если учитывать происходящий в Республике процесс социального сдвига и оценивать, вместе с тем, каждую отдельную личность, как годную или негодную для построения нового общества, то необходимо признать, что всю 2-ю группу подсудимых должно оправдать.

Такова выявившаяся в демонстрации 20 июня воля организованного пролетариата.

Последние слова подсудимых.

После речи тов. Бухарина и следующих за ним реплик сторон Трибунал выслушивает последние слова подсудимых. Не имея возможности уделить им достаточно места, мы остановимся здесь лишь на тех заявлениях, которые были сделаны подсудимыми 1-й группы—чекистами на поставленный Председателем Трибунала вопрос: что стали бы делать обвиняемые, если бы их, предположим, освободили из-под стражи. Для Трибунала при постановке приговора крайне важно знать, будут ли эс-эры и впредь продолжать ту же работу, что и доныне, или же нет.

Стереотипные ответы большевизма—«Нам с вами не по пути»—в устах некоторых из них звучали непримиримой, ничем неприкрываемой враждебностью. «Вашим врагом был, есть и останусь»—говорит подсудимый Морозов. «В программе партии—организация политического давления в легальных формах со стороны крестьян на советскую власть с целью вынудить у

нее политические уступки»—(подсудимый Раков). «В области внутренней политики мы ставим те же задачи, что и прежде»—формулирует позицию партии ее лидер подсудимый Гоц.

Последние слова подсудимых закончены. Трибунал удаляется на совещание.

Приговор.

Ровно двое суток длится совещание Трибунала. Наконец, томительное ожидание завершается возгласом: «Прошу встать. Суд идет».

Далее, чтение приговора, подробно излагающего установленную на суде деятельность эс-эров и в заключительной своей части гласящего:

«Верховный Трибунал приговорил:

1. Григория Моисеевича Ратнер считать по суду оправданным.

2. Юрия Витальевича Морачевского за недоказанностью предъявленного обвинения считать по суду оправданным.

3. Обвинение, предъявленное Фанне Ефремовне Ставской по ст. 213 У. К. (военный шпионаж), считать недоказанным.

4. Павла Владимировича Злобина, принимая во внимание незначительный объем контр-революционной деятельности, неучастие его в нелегальной работе ПСР в течение последнего времени, добросовестную работу его в советских учреждениях и считая обвинение по ст. 60 У. К. доказанным, подвергнуть, на основании ст. 28 У. К., тюремному заключению сроком на два года, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

5. Григория Лаврентьевича Горькова-Добролюбова, принимая во внимание незначительный объем контр-революционной деятельности и принципиально отрицательное отношение его к вооруженной борьбе, считая обвинение по ст. 60 У. К., доказанным, подвергнуть на основании ст. 28 У. К. тюремному заключению на три года, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

6. Иосифа Самойловича Дашевского, принимая во внимание незначительность содеянного преступления и отсутствие при совершении им такового злого умысла и считая обвинение по ст. 64, 76² и 68 доказанным, подвергнуть тюремному заключению сроком на три года, при строгой изоляции, с применением принудительных работ.

7. Фанни Ефремовну Ставскую, считая обвинение по ст. 76² и 68 доказанным, подвергнуть тюремному заключению сроком на два года, при строгой изоляции и с применением принудительных работ.

8. Владимира Львовича Утгоф-Дерюжинского, Ефрема Соломоновича Берга и Михаила Львовича Львова, считая обвинение по ст. 60 доказанным, но принимая во внимание незначительность объема их контр-революционной деятельности, подвергнуть тюремному заключению на пять лет, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

9. Павла Николаевича Пеловина, считая обвинение по ст. ст. 76 и 68 доказанным, подвергнуть тюремному заключению сроком на три года, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

10. Константина Андреевича Усова, Федора Васильевича Зубкова и Филиппа Федоровича Федорова-Козлова, считая обвинение по ст.ст. 64, 76 и 68, а Зубкова и по ст. 65 доказанным, учитывая тяжесть содеянного ими преступления, принимая во внимание их неруководящую роль и пролетарское происхождение, подвергнуть тюремному заключению сроком на пять лет, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

11. Петра Тимофеевича Ефимова, считая обвинение доказанным, подвергнуть тюремному заключению на десять лет, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

12. Александра Васильевича Либерова и Николая Ивановича Артемьева, считая обвинение по ст. 60 доказанным, подвергнуть тюремному заключению на десять лет, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и зачетом предварительного заключения.

13. Дмитрия Федоровича Ракова, Флорана Флорановича Федоровича и Михаила Александровича Веденяпина, считая обвинение по ст.ст. 57, 58, 60, 76², 59, 65 доказанным и несмотря на то, что они являются членами ЦК, в виду их последних слов, подвергнуть тюремному заключению сроком на десять лет, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и зачетом предварительного заключения.

14. Абрама Рабачовича Гоца, Дмитрия Дмитриевича Донского, Льва Яковлевича Герштейна, Михаила Яковлевича Гендельмана-Грабовского, Михаила Александровича Лихача, Николая Николаевича Иванова, Евгения Моисеевича Ратнер-Элькинд, Евгения Михайловича Тимофеева, Сергея Владимировича Морозова, Владимира Владимировича Агапова, Аркадия Ивановича Альтовского, Владимира Ивановича Игнатьева, Григория Ивановича Семенова, Лидию Васильевну Коноплеву, Елену Александровну Иванову-Иранову — расстрелять.

Принимая во внимание, однако, что Игнатьев бесповоротно порвал со своим контр-революционным прошлым, добросовестно служит советской власти и является элементом социально безопасным Верховный Трибунал, руководствуясь п. 3 ст. 330 Процессуального Кодекса, обращается в президиум ВЦИК с ходатайством об освобождении его, Игнатьева, от наказания.

В отношении Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федорова-Козлова, Пелевина, Ставской и Дашевского Верховный Трибунал находит: эти подсудимые добросовестно заблуждались при совершении ими тяжких преступлений, полагая, что они борются в интересах ре-

волюции; появив на деле контр-революционную роль П. С.-Р., они вышли из нее и ушли из стана врагов рабочего класса, в какой-то они попали по трагической случайности. Названные подсудимые вполне осознали всю тяжесть содеянного ими преступления и Трибунал, в полной уверенности, что они будут мужественно и самоотверженно бороться в рядах рабочего класса за советскую власть против всех ее врагов, и руководствуясь п. 3 ст. 330 Проп. Код., ходатайствует перед Президиумом ВЦИК об их полном освобождении от всякого наказания.

Руководствуясь ст. 42 У. К., Трибунал приговорил, сверх того, обвиняемых: Артемьева, Веденяпина, Горькова, Злобина, Львова, Ракова, Федоровича, Утгофа, Либерова, Берга к поражению прав по п.п. а, б и в ст. 40 У. К. сроком на 5 лет.

Игнатьева, Коноплеву, Ставскую, Семенова, Усова взять под стражу.

Вещественные доказательства передать в архив Октябрьской революции по описи. Судебные издержки принять на счет государства.

Заключительная часть постановления Президиума ВЦИК.

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

1. Приговор Верховного Трибунала в отношении к подсудимым: Гоцу, Донскому, Герштейну, Гендельман-Грабовскому, Лихачу, Н. Иванову, Е. Ратнер-Элькинд, Тимофееву, Морозову, Агапову, Альтовскому и Е. Ивановой-Ирановой, приговоренным к высшей мере наказания, утвердить, но исполнением приостановить.

Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать.

Наоборот, применение партией социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно поведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контр-революционного террора и мятежа.

Как приговоренные к высшей мере наказания, так и осужденные к долгосрочному заключению остаются в строгом заключении.

2. В отношении Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федорова-Козлова, Пелевина, Ставской, Дашевского и Игнатьева ходатайство Верховного Трибунала о полном освобождении их от наказания удовлетворить.

С. З—цев.

СУД и ЖИЗНЬ.

В Брянске.

Введены кодексы, организуется прокуратура, предстоит слияние трибуналов и нарсудов, но положение органов юстиции из-за материальной необеспеченности такое же тяжелое и безнадежное, как и раньше. Только величайшей преданностью делу, полным самопожертвованием и бесконечной выносливостью судебных работников можно объяснить то обстоятельство, что органы юстиции действуют в уровень времени и стараются занять то положение, которое им по праву принадлежит в настоящий период.

Эти мысли навеяны на меня в результате посещения мною судебных учреждений Брянска. Раньше всего, я в течение нескольких часов не мог добраться в город, отстоящий в 5—6 верстах от станции за отсутствием у губотделов юстиции всяких перевозочных средств. Только любезность начальника местного отдела ГПУ выручила: он прислал великолепную высокую двухместную коляску.

Нищета органов юстиции бросается в глаза. В небольшой квартирке из нескольких комнатушек ютится отдел юстиции, консультация, а рядом в подобной квартирке совнарсуд с особой сессией. «Зал судебных заседаний» составляет небольшая тесная комнатка с одним окном, несколько шагов в длину и в ширину. Во время совещания

суда публика удаляется, так как особой совещательной комнаты нет. В этом же «зале», напоминающем скромную комнатку рабочего, находится столик, стул и узенькая кроватка, которая выносятся на время заседания. Когда заседаний нет, тут же помещается канцелярия особой сессии, а когда заседания совнарсуда и особой сессии совпадают, председатель особой сессии подыскивает где-нибудь другое место для заседаний.

Председатель совнарсуда тов. Ларионов проводил меня на вокзал. Мы говорили о различных нуждах юстиции, о новых реформах. Тов. Ларионов верит в силу центра, но не верит, что центр всерьез возьмется за укрепление юстиции. Такую неуверенность я наблюдал только что в массе судебных работников и в Витебске, и в Гомеле. Тов. Ларионов показывал мне черновик доклада, который он посылает в Москву. Вот характерные места: «народный судья наблюдался с сумой и палкой, ходящий в окрестностях своего участка за куском хлеба».

Тов. Ларионов пессимистически заканчивает доклад: «...Суд умирает. Может ли НКЮ на это хладнокровно смотреть?».

И. С.

Отечественные акулы.

Из всех пор вылезают «бывшие люди» и скопом, и в одиночку тянут назад потерянное ими во время революции. Еще в прошлом году суды были завалены исками о возвращении...чего угодно, начиная с домов, земли, заводов, лесов и кончая лемным стулом. Не надо закрывать глаза на то, что наши декреты, как и всякие писанные законы, дают возможность толковать их в пользу старых владельцев. Часто это толкование бывает нарочно рассчитано на такое явное невежество органов власти, что не знаешь чему удивляться—наглости ли хищника, или безмерному презрению его к власти.

Вот характерный образец. Есть в Москве артистка Мария Федоровна Казакина. В конце 1921 года она обратилась в Совнарком и в эконо совеща ние на Юге с просьбой передать ей имущество, оставшееся после смерти ее мужа в 1920 г. В своем заявлении она излагает:

«...Так как я в данное время инвалид (заболела на сцене и потеряла трудоспособность, о чем имею документы) и не имею возможности служить и, таким образом, заработать себе на существование, прошу распоряжения вашего о возвращении мне»...

В дальнейшем артистка-инвалид, неспособная к труду, настаивает на возвращении ей,—конечно, в интересах производительности страны—следующего имущества (следует перечисление):

«...1) возвращение леса, т.-е. бесплатная эксплуатация мною его; 2) возвращение лесопильных машин

и приведение их в исправность или об уплате мне за испорченные и недостающие по ценам настоящего времени (Бюллетень цен), чтобы я могла сейчас пустить в работу лесопильню; 3) уплатить мне за вырубленный и вятый готовый материал по ценам настоящего времени или возвращения мне его натурой; 4) восстановление конторы, ее принадлежностей, инвентаря, продуктов и, вообще, всего взятого или уплаты мне за него (декрет 16 ноября 1920 года о бесхозяйственном имуществе) по ценам на тоящего времени (расценка рубля, декрет 6 ноября «Изв. ВЦИК», № 274), чтобы я имела средства и возможность немедленно восстановить предприятие. Прошу также вашего содействия в предоставлении мне необходимой суммы и распоряжения, чтобы учреждения и частные лица, имеющие документы и сведения о вышеуказанном предприятии, дали мне их».

Дальше идти некуда: даже в Генуе и Гааге западные акулы были скромнее отечественного зубра в лице артистки Казакиной. Самое печальное в этом деле заключается в том, что ее ходатайство, соласно заключения спецов, имело успех. Только вмешательство уполномочен РКИ (это было на юге России), который подробно, со ссылкой на наши декреты, как дважды-два доказал, что гр. Казакина никакого права не имеет на имущество, все эти распоряжения были приостановлены... на время, так как хождение гр. Казакиной по этому делу в центре и теперь не закончилось.

Суды, губакосо, СТО и учреждения на местах затоплены бумажной лавиной ходатайств, падоедливых, настоячивых, пристающих, как санный лист. Когда же эти «бывшие люди» начинают тягаться по судам и учреждениям людей труда и иных настоящих инвалидов труда, чтобы отнять у них или лишить их самого необходимого, когда на свою помощь они призывают образованных спецов, которые за приличную мзду истолковывают в пользу своих доверителей пред судом наши же декреты, то весьма часто даже пролетарский суд оказывается под гипнозом и натиском этой лавины и решает во вред рабочим и крестьянам. Все эти явления вызывают необходимость

поскорее образовать в среде адвокатуры крепкое ядро рабочих адвокатов, которые были бы связаны с профсоюзами и представляли бы суду свое пролетарское толкование декретов, смысл которых—если не буква—не может быть истолкован против интересов рабочих. Это же ядро должно также обслуживать наши учреждения своими заключениями по делам, где интересы государства страдают из-за реставрационных заключений иных спецов, которые зачастую, по классовому инстинкту своему и симпатиям, ограничиваются формальной стороной дела в пользу просителей и во вред государству.

И. С.

Интересный судебный случай.

5 марта 1922 г. у гр. д. Алешино Медынского у. Калужской губ. Соловьева уведена со двора лошадь—мерил, гнедой масти, 9 лет, под сиделкой белое пятно. Следы кражи вели по направлению к Москве, где Соловьевым была сделана заявка в угрозыске. 13 декабря 1921 г. в селе Ершове Звенигород. уезда Моск. губ. у гр. Баулина пропала также лошадь точно таких же примет, как Соловьева. Баулин в поисках лошади дошел до московского угрозыска, где ему была 8-го мая с. г. вручена пропавшая лошадь, отобранная милицией при розысках у гр. Старостина, в Московском уезде. Узнав, что лошадь с его приметам передана Баулину, Соловьев явился в с. Ершово, где опознал свою лошадь у Баулина. Спор Соловьева с Баулиным о лошади разрешался народным судом 1 участка Звенигородского уезда. Целый ряд свидетелей из с. Ершова единогласно утверждал, что спорная лошадь принадлежит Баулину, и в то же время ряд свидетелей, явившихся представителями общества граждан д. Алешиной, установили, что лошадь эта Соловьева. Приметы сходятся точ-в-точь до самых мелочей и пред судом стояла лошадь. Тогда мною предложен был следующий выход: отвести лошадь в д. Алешино и подвергнуть ее испытанию—узнает ли она дом Соловьева. С

таким предложением согласились и стороны, и суд. Лошадь из с. Ершова была доставлена под управлением Баулина в д. Алешино (расстояние более 100 верст). В Алешино лошадь была пущена без управления и она пошла сначала на водопой, а потом повернула к дому Соловьева. Перед этим лошадь была оставлена в соседней деревне, откуда ведут три дороги, и лошадь направилась по дороге в с. Алешино, к дому Соловьева. В третий раз лошадь была отведена на задворки, где несколько дорог, сделано было несколько кругов, после чего лошадь была пущена свободно и она, миновав поворот в соседнюю деревню, подошла к сараю Соловьева, против его дома, и вошла в отворенные ворота. Наконец, лошадь была пущена по большой дороге и она, миновав поворот на Верею и Медынь, повернула по Борзовской дороге и подошла к дому кузнеца Балыгина, который, по словам Соловьева, ее постоянно ковал. Несколько раз пускалась лошадь без управления и каждый раз она подходила к дому Соловьева, ни разу не заходя в другие дворы. Опыт этот наглядно убедил присутствовавших, что спорная лошадь принадлежит Соловьеву, в каком смысле суд и вынес свое решение.

Молчанов.

Достоинно внимания.

Нельзя пройти мимо в высшей степени отрадного факта, который имел место в минувшем месяце с. г. в Уржумском доме заключения.

Осужденные приговором Вятского революционного трибунала от 14 февраля с. г. за хищение спирта к лишению свободы на сроки от одного года до двух лет крестьяне Пилинской волости (Уржумского уезда Вятской губернии), всего в количестве 11 человек, на своих лошадях, согласно заключенного договора, вспахали, разборошили и засеяли сеялкой 11 десятин под яровой засев, произвели двукратную вспашку, бороньбу и посадку картофеля и огородных овощей на участке площадью в 41½ десятины и доставили на собственных лошадях со склада домзака из г. Уржума к месту посадки на отведенный участок земли на расстоянии 10 верст от города 254 пуда картофеля, но категорически отказались от причитающейся им платы за работу в сумме 302.650.000 рублей.

Причиной их добровольного отказа от заработной

платы, как видно из их надписи в договоре, были: «отсутствие кредитов домзака, тяжелое экономическое положение Республики, вообще, продовольственный кризис страны и желание для блага молодой Республики и ради спасения от голода братьев Поволжья внести посильную лепту».

Рассмотрев в заседании 28 июня с. г. похвальный отзыв администрации уржумского домзака об их примерном поведении, исключительном трудолюбии и столь бескорыстной помощи домзаку в исключительно тяжелый для него переходный период от государственного бюджета к местному и принимая во внимание, что приговор по их делу состоялся еще в феврале с. г., распределительная комиссия, в знак поощрения разрешила всем этим заключенным двухнедельные отпуска домой для полевых работ и возбудила пред губернским революционным трибуналом ходатайство о досрочном их освобождении от дальнейшего отбывания наказания.

Ю. Б.

Дискуссионная страница по применению кодексов.

А. Уголовного.

Из практики применения аналогии.

Бесспорно, ни одним писанным законом, нельзя предусмотреть всего бесчисленного разнообразия преступных деяний и в то же время нельзя оставлять безнаказанным целый ряд почему-либо непредусмотренных законодателем преступлений. В этом случае на помощь судье и законодателю приходит применение так называемой аналогии, в силу которой деяния, родственные предусмотренным Кодексом, караются в той же мере.

На практике будет серьезно стоять вопрос о том, чем является интересующее нас преступление: подделкой или фальсификацией, ибо в зависимости от разрешения этой дилеммы и формулировки обвинения, т.-е. подведения под ту или иную статью Уголовного Кодекса, разрешается вопрос о применении наказания, а разница в степенях наказания за подделку и фальсификацию уж очень велика.

Между тем, именно, в этой сфере возможны самые разнообразные и непредвиденные казусы.

Ст. 85 Уголовного Кодекса формулирована так: «подделка денежных знаков и государственных процентных бумаг, марок и других знаков государственной оплаты и т. д.»... Такое преступное деяние отнесено к главе государственных преступлений и подразделению преступлений против порядка управления.

Таким образом, следует понимать, что подделка каких-либо знаков государственной оплаты, наносящая непосредственный убыток казне подходит под вышеприведенную ст. 85.

Подделка же других знаков оплаты (не государственной), а также всякого рода документов, при условии, если эта подделка не нарушает непосредственно интересов государственного фиска, подпадает под ст. 189 Уголовного Кодекса, которая гласит: «подделка в корыстных целях как официальных, так и простых бумаг, документов и расписок, если таковая не подходит под признаки преступления, указанного в ст. 85 Уголовного Кодекса»...

Сопоставление этих двух статей, казалось бы, дает ясное представление о разграничении преступных деяний и не возбуждает никаких сомнений. Однако, здесь возможно различное толкование. Допустим, подделка иностранных кредитных билетов—под какую статью это преступное деяние подходит? Ведь, возьмем, например, подделку, каких-нибудь сямских или аргентинских денег: она не наносит ущерба государственному фиску, ибо Государственный банк РСФСР таких денег не котирует и не покупает, но в то же время эти деньги являются «знаками государственной оплаты», правда, не русскими, а сямскими или аргентинскими, но, ведь, ст. 85 Уголовного Кодекса не определяет подделку именно русских знаков.

Ст. 190 Уголовного Кодекса предусматривает фальсификацию, т.-е. обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления.

У нас недавно был случай: нашлись ловкачи, которые посредством особых махинаций превращали государственные обязательства миллионного достоинства в десятиmillionные. В этом деянии мы видим наличие всех признаков преступления, предусмотренных ст. 190 Уголовного Кодекса, однако, формулировка обвинения по ст. 190 далеко не бесспорна. Разве в этом деянии нет элементов подделки, караемой ст. 85 Уголовного Кодекса?

Ст. 189 говорит о подделке только официальных и простых бумаг, документов и расписок—куда же отнести подделку предметов искусства, древности и т. д.? Никакой Рембрандт, Ван-Дик или Леонардо-да-Винчи, сфабрикованный в Москве или Рязани в 1905 или 1910 году, не подойдет под определение ст. 189, а признаков ст. 190 в этом деянии тоже нет, ибо никаких изменений произведено не было. Ст. 187, трактующая о мошенничестве, может быть применена только в отношении продавцов фальшивых предметов искусства и старины, а по какой-же статье привлечь самих «фабрикантов»?

Пишущему эти строки пришлось столкнуться с применением этих статей в другой области и сейчас у него под рукой обширный материал.

Филателия, то-есть собирание почтовых марок, столь распространенная за-границей, достигла в настоящее время апогея своего развития и в России, так что даже правительство обратило на эту отрасль спорта свое внимание. Привившись в России, филателия, однако, получила свою своеобразную окраску, подчас уголовно-наказуемого характера. Подделки марок для коллекции настолько расплодилось, что не вызывают уже ни у кого любопытства или возмущения, даже безразличия. К этим подделкам коллекционеры почтовых марок относятся уже совершенно равнодушно.

Если бы марка была подделана целиком, то квалифицировать данное деяние не представляло бы особых затруднений, и разграничение преступления по статьям Уголовного Кодекса можно было бы применить по указанному выше принципу, то-есть, если марка подделана в целях введения в заблуждение почтового ведомства и употребления для незаконной оплаты писем—здесь все признаки преступления, предусмотренные ст. 85 Уголовного Кодекса, если же марка (в особенности иностранная) подделана для обмана коллекционера и государство непосредственно убытка не несет от этой подделки, а покушение направлено исключительно на карманы коллекционеров, то здесь, естественно, можно применить статью 189 Уголовного Кодекса.

Но дело в том, что подобные подделки в большинстве случаев не применяются, а весьма распространены, так сказать, подделки частичные. Дело в том, что Колчак в Сибири, Скоропадский на Украине, Деникин на Дону и Кубани, а Врангель в Крыму, перепечатали старые русские марки мелкого достоинства новой стоимостью и, так как

запасы старых марок у них были ограничены, то, естественно, среди коллекционеров такие марки весьма высоко ценятся.

В настоящее время марки старого образца продаются на почте, ловкие коллекционеры их накупили и, подделав перепечатки, выдают за марки Колчака, Деникина и т. д.

Такие махинации приобрели массовый характер и не один десяток дел подобного рода придется разрешать суду (за-границей, в особенности, в Германии, подобных дел разбирается в среднем по 28 000 (1) в год), поэтому небезынтересно разрешить вопрос, под какую статью Уголовного Кодекса такое деяние подходит.

Во-первых, здесь все признаки преступления, предусмотренного ст. 190, ибо имеется наличие искусственного **изменения** предмета, но, ведь, подобные фальсификаты, переоцененные фальшивой надпечаткой, могут нанести ущерб и интересам государстве иного фиска (допустим, фальшивая надпечатка 7500 руб. на советских марках достоинства в 250 руб.) и поэтому подпадают под ст. 85 Уголовного Кодекса. Однако, не исключается возможность применения к виновным и ст. 189, ибо фальшивую перепечатку следует рассматривать, как подделку официальной печати, ст. 190 же, говоря о фальсификации, то-есть изменении

предмета, не предусматривает подделки официальной грифа.

Затронув вопрос о марках, мы закончим настоящую статью еще одним казусом: под какую статью подвести смывку штемпелей с гашенных почтовых марок?

В этом деянии имеются элементы преступления, предусмотренные ст. 85 Уголовного Кодекса, ибо смывка штемпелей с гашенных марок равносильна подделке новых, так как здесь преследуется та-же цель,—незаконная оплата почтового сбора использованными марками, но, в сущности, подделки, ведь, в строгом смысле этого слова нет,—есть искусственное **изменение** предмета путем вытравливания штемпеля погашения, то-есть деяние, предусмотренное ст. 190 Уголовного Кодекса. Однако, и ст. 188 (мошенничество, имевшее своим последствием убыток, причиненный государственному учреждению) может быть применена и вполне правильно.

На первый взгляд столь незначительные вещи подчас заставляют глуб. ко. призадуматься над ними и из пустячных вопросов превращаются в серьезные загадки, а в обыденной практике приходится очень часто лавировать среди этих почти незаметных Сцил и Харибд.

В. Санцов.

Объем понятия „трудовые повинности“.

Следует ли понимать под трудовыми повинностями, о которых упоминают ст.ст. 78—80 и 127 Уголовного Кодекса, лишь трудгужно-пошлины по ликвидации стихийных бедствий или также и повинности, выполняемые в порядке трудгужналога?

По разъяснению НКТруда, повинности, выполняемые в форме трудгужналога, также подходят под общее понятие трудовых повинностей (см. заголовок декрета СНК от 22/XI—1921 г.—«Об осуществлении периодических трудгужевых повинностей на началах трудгужевого налога»).

Б. Уг.-Проц. Кодекса.

О моменте вступления в силу заочного приговора к расстрелу.

В Верховном Трибунале возбужден вопрос о моменте вступления в силу заочного приговора к расстрелу. Вопрос находит себе определенное разрешение в ст. 426 Угол. - Процессуального Кодекса — по заявлению осужденного ему обязательно восстанавливается кассационный срок; если же дело рассматривалось в трибунале, где кассационное обжалование не допускается, дело подлежит пересмотру в порядке надзора

Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции.

Проект декрета о наследовании, принятый Коллегией НКЮ для внесения в IV сессию ВЦИК в Кодексе гражданских законов.

Во исполнение п. 6 раздела II постановления ВЦИК от 22 мая с. г. «Об основных частных имущественных правах» и во изменение декрета ВЦИК «Об отмене наследования» (Собр. Узак. и Расп. 1918 г., № 34, ст. 466) ВЦИК постановил:

1. Допускается наследование по закону и по завещанию в пределах общей стоимости наследственного имущества не свыше 10.000 золотых рублей, за вычетом всех долгов умершего.

Примечание. Права, вытекающие из заключаемых органами государства с частными лицами договоров (арендных, концессионных, застроечных и других), переходят в порядке наследования по закону и по завещанию в пределах сроков, указанных в этих договорах, без ограничения предельной стоимостью, установленной настоящей статьей.

2. Если общая стоимость наследства превышает 10.000 золотых рублей, между государством в лице Наркомфина и его органов и частными лицами, призываемыми к наследованию по закону или по завещанию, производится раздел или ликвидация наследственного имущества в части, превышающей предельную стоимость наследства, в пользу заинтересованных органов государства.

Если по характеру составных частей разделение наследственного имущества представляется хозяйственно невыгодным и неудобным, то между органами государства и частными лицами устанавливается совместное владение или устанавливается право выкупа излишка, сверх предельной суммы, в пользу государства или частных лиц, если последнее допускается интересами государства.

3. Круг лиц призываемых к наследованию по

обном указываемым в ст. 1-й основаниям, ограничивается прямыми нисходящими (детьми, внуками и правнуками) и пережившим супругом умершего, а также нетрудоспособными и иждивенцами умершего не менее одного года до его смерти.

Примечание. Наследниками могут быть только лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследователя, а также дети, зачатые при его жизни и родившиеся после его смерти.

4. Наследование по закону в пределах, указанных в ст. 1, имеет место во всех случаях, когда и поскольку оно не изменено завещанием.

5. При наследовании по закону наследственное имущество делится поголовно на равные доли между всеми лицами, указанными в ст. 3-й.

6. Из лиц, названных в ст. 3-й, те, кто совместно проживал с умершим, получают движимое имущество, относящееся к обычной домашней обстановке и обиходу, без зачисления в предельную сумму по ст. 1-й, за исключением предметов роскоши.

7. При наследовании в крестьянском хозяйстве стоимость земли и сельско-хозяйственных строений не зачитывается в предельную сумму, установленную ст. 1-й.

8. Завещанием признается сделанное лицом в письменной форме распоряжение на случай смерти о предоставлении имущества одному или нескольким определенным лицам из числа указанных в ст. 3-й, или о распределении его между несколькими или всеми этими лицами в ином порядке, чем это предусмотрено ст. 5-й.

Примечание. Завещатель может лишить прав законного наследования одного, некоторых или всех лиц, указанных в ст. 3. В этом случае наследственное имущество в целом или в части переходит к государству в порядке ст. 2 и 19.

9. На получающего по завещанию наследственное имущество завещатель может возложить исполнение какого-либо обязательства в пользу одного, нескольких или всех других законных наследников (ст. 3), которые в силу этого распоряжения получают право требовать исполнения соответствующего обязательства со стороны наследника по завещанию.

10. Допускаются завещания, в которых на тот случай, если бы назначенный в завещании наследник умер раньше открытия наследства или не принял его, завещатель призывает к наследованию кого-либо другого из законных наследников (ст. 3).

11. Завещание должно быть подписано завещателем и двумя свидетелями и представлено в уездах в нотариальный отдел для вынесения в актовую книгу.

Взамен подписи завещателя завещания неграмотных подписываются за них третьим лицом—рукоприкладчиком.

Выпись из актовой книги заменяет подлинное завещание.

12. Завещание, позднее составленное, отменяет предыдущее, поскольку в последнем не остается распоряжений, не предусмотренных позднейшим завещанием. Завещатель может и без составления нового завещания отменить прежнее посредством нотариального или судебного заявления об этом, заносимого в актовую книгу или судебный протокол.

13. Исполнение завещания возлагается на назначенных в нем наследников, разве бы завещатель

поручил в завещании особому лицу—исполнитель завещания—исполнить его волю. В этом случае требуется согласие исполнителя на самом завещании или в отдельном заявлении, приложенном к завещанию.

14. Разногласия и споры между частными лицами или между частными лицами и органами государства по вопросу оценки, раздела и порядка расчетов по наследуемому имуществу разрешаются судом.

15. Наследник может отказаться от открывающегося наследства путем нотариального или судебного заявления.

16. Наследники, отсутствующие в месте открытия наследства, могут принять наследственное имущество лично или через поверенных в течение шести месяцев со дня смерти наследователя.

17. Вызов наследников через публикацию или иными способами не производится, но судом принимаются меры для охранения наследственного имущества по месту открытия наследства и продолжаются в течение шести месяцев.

18. При отсутствии наличных наследников, к имуществу, находящемуся на ходу (торговые и промышленные предприятия и ремесленные заведения), суд назначает особого ответственного попечителя.

19. В случае неявки наследников в течение шести месяцев по принятии мер охранения наследственного имущества последнее признается выморочным в целом и поступает в распоряжение соответствующих органов государства.

20. В случае принятия выморочного имущества государством последнее отвечает по долгам, обременяющим наследство, лишь в пределах действительной стоимости наследственного имущества.

21. Лица, призванные к наследованию по закону или по завещанию могут просить у местного народного выдачи свидетельства, подтверждающего их права на наследство.

22. С наследств. переходящих как по закону, так и по завещанию, взимается наследственная пошлина в следующем размере:

а) если отдельный наследник получает долю имущества стоимостью от одной до трех тысяч золотых рублей, то пошлина взимается в размере 1% с названной суммы;

б) если означенное имущество стоит от трех до шести тысяч золотых рублей, то пошлина взимается в размере 2%;

в) если это имущество стоит от 6-ти до 10-ти тысяч золотых рублей, то пошлина взимается в размере 4%;

г) если это имущество оценивается свыше 10-ти тысяч золотых рублей, то с каждых следующих 10-ти тысяч золотых рублей пошлина повышается на 4%, но общая сумма наследственной пошлины не может превышать 50% стоимости наследства, при чем неполные 10 тысяч считаются за полные.

23. Сокрытие наследственного имущества в целом или в части, а равно искусственное уменьшение, в целях обхода настоящего закона, стоимости наследства, карается по ст.ст. 187 и 188 Уголовного Кодекса РСФСР.

24. Постановления настоящего декрета не имеют обратной силы и применяются только в отношении наследств, открывшихся после опубликования настоящего декрета.

Проект Гражданского Процессуального Кодекса *).

Раздел II

Глава VIII.

Предъявление иска.

Ст. 82. Народный суд приступает к рассмотрению гражданских дел по словесной или письменной просьбе истца.

Ст. 83. Исковая просьба должна содержать в себе:

а) точное наименование истца, т.-е. лица, заявляющего исковое требование, а также его поверенного, если исковая просьба подается поверенным;

б) точное наименование ответчика, т.-е. лица, привлекаемого к ответу по иску;

в) точное указание постоянного местожительства или места постоянного занятия истца и ответчика;

г) изложение обстоятельств, служащих основанием иска, и указание доказательств, подтверждающих иск;

д) требование истца с обозначением цены иска.

Ст. 84. Словесная просьба заносится народным судьей или по его поручению секретарем в протокол, прочитывается истцу и подписывается народным судьей, секретарем и заявителем.

Ст. 85. По делам, подлежащим разбору в особых сессиях, исковые прошения и все документы представляются с копиями по количеству участников другой стороны.

Ст. 86. Представленный к делу подлинный документ может быть взят обратно с оставлением в деле копии, засвидетельствованной представившей его стороной.

Ст. 87. Народный судья может, по просьбе истца, до вызова ответчика удовлетворить частные ходатайства истца о вызове свидетелей, выдаче свидетельства для получения документа или справки или затребовать таковые и т. п., если по своему характеру они не могут вызывать возражения ответчика и не необходимы для разрешения дела.

Ст. 88. Исковая просьба первоначальная или встречная, заявленная без соблюдения требований, изложенных в ст. 90, оставляется без движения, о чем суд извещает истца и предоставляет ему срок для исправления недостатков. Если в указанный срок недостатки исковой просьбы устранены не будут, просьба считается неподанной.

Ст. 89. На определение суда о непринятии исковой просьбы по неподсудности допускается частная жалоба в совнарсуд в недельный со дня определения срок.

Глава IX.

Обеспечение иска.

Ст. 90. Во всяком положении дела, пока не вступило в силу решение, истец может просить об обеспечении иска.

Примечание. Иски, предъявляемые к государственному, освобожденным от промыслового обложения, обеспечению не подлежат.

Ст. 91. Обеспечение иска допускается:

- а) когда иск представляется достоверным и
- б) когда непринятие мер обеспечения иска может

повлечь за собою невозможность получить для истца удовлетворение или когда по самому характеру требования промедление сделает затруднительным или невозможным исполнение решения.

Ст. 92. Суд, допуская обеспечение, может потребовать от истца представления, в свою очередь, возможных для ответчика убытков.

Ст. 93. Суд может обеспечить иск полностью или только в тех частях, которые он признает достоверными.

Ст. 94. Просьбы об обеспечении исков разрешаются народным судьей без вызова противной стороны в тот же день.

Ст. 95. Обеспечение иска состоит в наложении ареста на принадлежащее ответчику, находящееся у него или у третьих лиц имущество, в отобрании подписки о невыезде из места, где к ответчику может быть предъявлен иск по правилам ст.ст. . . . , в воспрещении распоряжения строением или в воспрещении совершить определенные действия ответчику.

Ст. 96. Суд может по просьбе одной из сторон допустить замену одного вида обеспечения другим, сообразуясь с возражениями противной стороны, а также допустить несколько видов обеспечения.

При обеспечении денежного иска ответчик может внести в депозит суда исковую сумму взамен допущенного судом вида обеспечения.

Ст. 97. Определения об обеспечении исков приводятся в исполнение в порядке, установленном для исполнения судебных решений.

Ст. 98. Определения суда по делам об обеспечении исков могут быть обжалованы в совнарсуд в семидневный срок со дня определения суда, если оно состоялось в присутствии жалобщика, или со дня получения повестки судебного исполнителя.

Ст. 99. Приписанная жалоба не приостанавливает приведения определения об обеспечении в исполнение. Жалоба на определение об отмене принятой меры обеспечения останавливает исполнение определения об отмене.

Ст. 100. Ответчик, оправданный решением по делу, может отыскивать с истца причиненные ему обеспечением иска убытки.

Ст. 101. При обеспечении иска, предъявленного государственным к частному предприятию, суд может допустить назначение истцом своего представителя для наблюдения за правильным ходом предприятия.

Глава X.

Разбирательство дела.

Ст. 102. Разбирательство дела происходит публично и устно.

Ст. 103. Если по обстоятельствам дела публичность разбирательства может оказаться нежелательной в интересах общественного порядка, а также, если обстоятельства дела касаются интимной жизни стороны, суд по своему усмотрению или по просьбе сторон постановляет разбирать дело или отдельные его части при закрытых дверях.

Ст. 104. Если дело разбирается при закрытых дверях, в зале заседания могут присутствовать по желанию каждой из сторон не свыше трех посторонних лиц, а также ответственные работники юстиции.

Ст. 105. Решение всегда объявляется публично.

Ст. 106. Приступая к разбору, народный суд выясняет, кто из вызываемых в суд лиц явился и какие имеются сведения о неявке остальных.

* *) Продолжение. — В № 29-30 по вине типографии перепутаны строчки: Ст. 51 должна читаться: « . . . штраф не может в общей совокупности за все время производства » и т. д.

Ст. 107. Неявка сторон, надлежащим образом вызванных, не является препятствием к разбору дела.

Ст. 108. Суд, признавая необходимыми личные объяснения неявившейся стороны, откладывает разбирательство и при новом вызове указывает сторонам на необходимость их объяснений и предупреждает о последствиях неявки стороны. Вызов стороны для личных объяснений допускается и в тех случаях, когда в деле участвует ее представитель.

Ст. 109. В случае неявки по вторичному вызову с указанием на необходимость объяснений без уважительных причин сторона не может в дальнейшем представлять доказательства в опровержение установленных судом обстоятельств, а по делам об алиментах и заработной плате суд может неявившегося ответчика подвергнуть приводу.

Ст. 110. До начала разбора дела по существу стороны могут делать заявления о невозможности разбирать дело в данном суде или при данном составе суда.

Ст. 111. Если ответчик указывает на нарушение подсудности, суд, признавая указание правильным, передает дело в надлежащий суд.

Частные жалобы на определения суда о передаче или об отказе в передаче, а равно пререкания о подсудности между судами не допускаются.

Ст. 112. В случае:

- а) ближайшего родства с участвующими в деле лицами,
- б) участия в деле в качестве свидетеля, эксперта,
- в) заинтересованности в исходе дела,
- г) наличности судебного спора с участвующими в деле лицами

народный судья или заседатель устраняется от участия в разбирательстве дела, как по заявлению сторон, так и по собственному заявлению, которое судья или заседатель обязан сделать суду даже при отсутствии заявления сторон. Кроме того, судья или

заседатель может заявлять об его устранении в виду особых, дружественных или враждебных отношений с тяжущимися.

Ст. 113. Заявления об устранении судьи или заседателя от участия в разбирательстве дела рассматриваются без участия отводимого лица, причем в случае разногласия судья или заседатель подлежит устранению.

Ст. 114. Рассмотрев заявления сторон, суд предлагает сторонам дать объяснения, а затем проверяет представленные сторонами доказательства.

Ст. 115. В случае представления сторонами новых требований или доказательств или когда суд по своему усмотрению считает нужным затребовать дополнительные доказательства, разбор дела откладывается.

Ст. 116. Откладывая дело, суд назначает срок для представления или проверки доказательств, а также, если возможно, и день заседаний.

Ст. 117. Когда проверка доказательств закончена, суд предоставляет сторонам слово для обоснования и опровержения исковых требований.

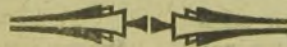
Ст. 118. Суд, признавая объяснения исчерпанными, прекращает разбирательство.

Ст. 119. Сторона, не имевшая возможности по непредвиденным обстоятельствам явиться к разбору дела и своевременно просить об его отложении, может просить суд о вторичном разборе дела.

Просьба о вторичном разборе может быть подана в недельный срок со дня заседания, в которое сторона не могла явиться, а если по делу состоялось решение, то в недельный срок со дня решения.

Ст. 120. На определения суда о допущении или недопущении вторичного разбора жалобы не допускаются.

(Продолжение следует).

Практика Высшего Судебного Контроля.

I. Отобрание имущества на основании революционного права не может быть аннулировано по жалобе заинтересованного лица в суд.

Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Высшего Судебного Контроля слушал дело по жалобе гр. Скалозубова, В. Н., на постановление Костромского губернского совета народных судей от 15-го июня 1922 года, по иску жалобщика к Костромскому губернскому отделу социального обеспечения, поступившее в Наркомюст из отдела юстиции Костромского совета Р. К. и К. Д. 22-го июля 1922 года, вместе с заключением названного отдела от 16-го июля с. г. за № 3323.

В 1918 году мельничным комитетом была конфискована или реквизирована мельница торгового дома наследниц И. Я. Аристовых в Костроме, перешедшая, таким образом, в ведение Костромского совета Р. К. и К. Д. Имела ли в данном случае место реквизиция или конфискация, с точностью в настоящее время установить невозможно: несомненно только, что перевод мельницы торгового дома наследниц И. Я. Аристовых в народное достояние состоялся в 1918 году.

В одном из складов сказанной мельницы были сложены вещи, будто бы принадлежавшие бывшему доверенному лицу торгового дома гр. Скалозубову, который в поданном им 9-го марта 1922 года в народный суд 4-го уч. гор. Костромы исковом прошении сам объясняет, что, когда в 1918 году он хотел получить со склада мельницы свои вещи, «мельничный комитет отказался выдать таковые без разрешения горисполкома», осуществившего, следовательно, уже тогда, по воле трудящихся гор. Костромы, функции хозяина мельницы.

Вещи гр. Скалозубова в свое время были переданы губернскому отделу соцобеза, к которому гр. Скалозубов и предъявил иск о возврате вещей, обеспеченный при предъявлении его 9-го марта и удовлетворенный народным судом 15-го мая 1922 года.

По жалобе отдела соцобеза, решение нарсуда 15-го июня 1922 года кассировано и дело производством прекращено.

В принесенной 20-го июня через отдел юстиции, жалобе гр. Скалозубов ходатайствует перед Наркомюстом об отмене постановления совета народных судей в порядке высшего судебного контроля.

Рассмотрев производство по настоящему делу вместе с заключением отдела юстиции и принимая во внимание:

1) что факт перехода в 1918 году мельницы торгового дома наследниц И. Я. Аристовых в достояние государства бесспорно установлен собственным заявлением истца в его исковом прошении;

2) что вместе с мельницей не могли не перейти в распоряжение государства и все предметы, на этой мельнице находившиеся, кем бы они там скрыты ни были;

3) что народный суд, допустив обеспечение иска, предъявленного к органу власти трудящихся, нарушил долг обязательного для каждого гражданина РСФСР, абсолютного доверия к моральной и материальной устойчивости учреждений Рабоче-Крестьянского Правительства.—Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Высшего Судебного Контроля определил:

1) согласиться с заключением отдела юстиции Костромского совета и жалобу гр. Скалозубова оставить без последствий;

2) предложить отделу юстиции инструктировать народный суд 4-го участка гор. Костромы по предмету пункта 3-го настоящего определения.

(Определение по гр. делу № 1142—1922 г.).

II. Приобретение дома не дает права на выселение жильцов для вселения домовладельца.

Гр-ка Годлевская, ссылаясь на свое право собственности, предъявила иск о выселении из ее дома квартиранта Чижикова. Этот иск был удовлетворен народным судом 1-го уч. гор. Петрозаводска и совнарсудом в виду того, что дом Годлевской, как коммунистический, должен быть передан ей во владение на основании декретов от 20 августа 1918 года и 8 августа 1921 года, а Чижиков может переехать в другую квартиру, подысканную ему Годлевской.

Принимая во внимание, что в настоящем деле народным судом разрешался вопрос о том, при каких условиях домовладелец может выселить из своего дома квартиранта, что прямой ответ на этот вопрос содержится в декрете от 27 апреля с. г., в ст. 1 которого указано, что выселение возможно лишь в случаях хищнического отношения к имуществу или неплатежа квартирной платы;

что ни одного из этих обстоятельств по делу Чижикова не было установлено;

что соображение совнарсуда о том, что дом должен быть передан истцу Годлевской на основании декретов от 20 августа 1918 года и 8-го августа 1921 года, извращает смысл этих декретов, так как они совершенно не касаются прав квартиронанимателей и отношений между собственниками и квартиронанимателями,—

НКЮ, соглашаясь с заключением Карельского областного отдела юстиции, определяет: решение народного суда и совнарсуда по настоящему делу признать не имеющим законной силы и отменить, дело передать для нового рассмотрения другому суду гор. Петрозаводска.

(Определение по гр. делу № 941—1922 года).

III. Уголовная ответственность за неисполнение решения по гражданскому делу законом не предусмотрена.

Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Высшего Судебного Контроля, рассмотрев дело народного суда 2-го участка Ленинского уезда Царицынской

губ. по иску Юдина к Агарковой о недействительности продажи дома, нашел:

1) В настоящем деле повсе отсутствуют протокол судебного заседания и самое решение суда, имеется лишь копия его, не подписанная судом, а лишь заверенная секретарем, кроме того, нет повестки на имя ответчицы. Таким образом, неизвестно, были ли вызваны стороны, явились ли в суд и какие давали объяснения, равно как нет достоверности в том, что судом было вынесено решение в том именно виде, как оно имеется в копии.

2) Такой порядок делопроизводства совершенно нетерпим, так как основные моменты разбора дела и последовавшее решение должны быть в каждом деле установлены с совершенной несомненностью и протокол заседания, и подлинное решение являются такими основными документами каждого дела, которые должны постоянно в нем находиться и не возбуждать никаких сомнений в своей подлинности.

3) В нарушение ст. 76 и 79 Положения о Нарсуде решение вынесено без права обжалования «и с неперенным условием исполнения его» в трехдневный срок под угрозой особой ответственности, что совершенно неосновательно, ибо, кроме обычного принудительного порядка исполнения решения суда по гражданским делам, никакой особой ответственности за неподчинение решению добровольно законом не установлено.

4) В данном деле идет спор о продаже дома в сельской местности, что не могло быть допущено в силу декрета от 6-го сентября 1918 г. (Собр. Узак., № 65, ст. 715), а в настоящее время допустимо лишь с соблюдением условий, указанных в примечании к ст. 2-й декрета СНК от 8-го августа 1921 г. (Собр. Узак., № 60, ст. 110), что судом не проверено.

По этим основаниям НКЮ определил:

1) решение по настоящему делу отменить, передав его для нового рассмотрения в другой народный суд того же уезда, и

2) поручить губотпосту разъяснить нарсудьям необходимость соблюдения вышеуказанных основных правил судопроизводства.

(Определение по гр. делу № 539—1921 г.).

IV. Возможен ли семейно-имущественный раздел в городе.

Гр. Н. И. Немченко предъявил иск о семейно-имущественном разделе имущества, находящегося в г. Рославле и оставшегося во владении матери Дарьи Немченко после смерти его родителей, и заключающегося в доме и движимости разного рода.

Народный суд определил: помещение, занимаемое в доме истцом предоставить ответчице, а ее помещение—истцу Николаю Немченко, ему же корову, хлев и сарай; швейная машина и разная другая движимость распределена между другими тремя родственниками умершего отца истца и детьми Дарьи Немченко.

Совнарсуд признал, что по делу установлено, что спорное имущество принадлежало Дарье Немченко единолично, так как поступило в ее владение до декрета об отмене наследования, и, отменяя решение, дело производством прекратил.

Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Высшего Судебного Контроля нашел:

1) Документами, представленными в дело, устанавливается, что отец истца умер более 10-ти лет

тому назад и что его духовное завещание утверждено еще в 1913 г., когда наследница по завещанию жена покойного и мачеха истца и вступила во владение завещанным имуществом, почему в силу ст. 10 декрета об отмене наследования это имущество никакому перераспределению или изъятию в порядке декрета об отмене наследования не подлежит.

2) Спор идет об имуществе городском, где правила семейно-имущественного раздела неприемлемы, так как таковой может происходить только в условиях общего трудового хозяйства, обычно крестьянского, чего в данном случае налицо не имеется.

3) Общности имущества детей и родителей не только не предполагается, но она определенно отвергается кодексом об актах гражданского состояния, поэтому никакого права на имущество в силу одного только происхождения от родителей для детей не предполагается. Остается, конечно, бесспорным право требовать вознаграждения за долю вложенного в общее трудовое хозяйство, предприятие и т. п. труда.

4) Часть имущества присуждена судом в пользу лиц, не только не участвовавших в деле, но и определенно заявляющих о своем нежелании предъявлять какие-либо претензии на это имущество, что явно неправильно, так как суд не может определять права участвующих в деле лиц ни в сторону присужде-

ния с них, ни присуждения в их пользу чего бы то ни было.

5) Совнарсуд, отменив решение по делу, не вправе прекращать производства дела, так как прекращение дела не есть решение спора и может быть допускаемо в точно обозначенных в законе или весьма ограниченных случаях, когда дело по каким-либо формальным основаниям не может получить разрешения по существу, в случае неподсудности, неправоиспособности, отсутствия полномочий, неявки истца, явка коего признана обязательной, и т. п. Во всех же тех случаях, когда спор должен быть разрешен окончательно и по существу, прекращение дела не может иметь места, а должно состояться решение дела, которое может быть постановлено только народным судом, а не совнарсудом. Поэтому совнарсуду подлежало по отмене решения направить дело для нового рассмотрения в другой народный суд того же уезда.

По этим соображениям НКЮ определил:

постановление совнарсуда в части отмены решения народного суда оставить в силе, а в части прекращения настоящего дела отменить и предложить совнарсуду передать дело для нового рассмотрения в народный суд другого участка Рославльского уезда.

(Определение по гр. делу № 416—1921 г.).

ХРОНИКА.

На местах.

Ставропольская губ.

Совещание нарсудей и нарследов Благодаринского уезда, заслушав доклады о положении органов юстиции в настоящее время, постановило: 1) несмотря на тяжелые условия в борьбе с голодом и массовым развитием бандитизма в уезде, мы, как представители революционной законности, должны всеми мерами охранять таковую; 2) просить губсовнарсуд настойчиво требовать от отдела труда отпуща подвоя в счет трудгужналога, ибо отсутствие перевозочных средств грозит развалом судебного дела; 3) просить исполком о принятии мер к оказанию материальной помощи нарсудам и нарследам и к поднятию авторитета суда; 4) принимать во внимание низкий уровень развития крестьянского населения и отсутствия знаний в области советского законодательства, вменить в обязанность нарсудам и нарследам проводить на местах один раз в неделю лекции по различным вопросам советского права; 5) приложить все усилия к оказанию помощи голодающим, как-то: при разрешении гражданских дел необходимо взимать 50% с судебных пошлин в пользу голодающих, а также подвергать штрафу в пользу голодающих по приговорам за легкие преступления.

Петроградская губ.

Коллегия губотюста постановила: 1) просить профсоюз объединить служащих совнарсуда, губотюста и губревтрибунала в одном местном и одной конфликтной комиссии; 2) представленный совнарсудом проект об организации архива утвердить и поручить совнарсуду организовать таковой.

Пензенская губ.

В целях обсуждения некоторых подчас различно понимаемых каждым судебным работником законоположений и достижения тем единообразного и наиболее правильного применения их губотюстом, организованы еженедельные вечерние дискуссионные совещания всех ответственных работников органов юстиции гор. Пензы.

Московская губ.

24 июля с. г. в здании совнарсуда состоялся губернский съезд нарсудей и нарследов. На повестке дня стояли вопросы об Уголовном и Уголовно-Процессуальном Кодексах, декрете об основных имущественных правах и о земельных комиссиях. Заслушав доклады по указанным вопросам, съезд постановил: 1) обратить внимание НКЮ и просить в срочном порядке войти в НКВД по вопросу об организации мест высылки для признанных судом социально-опасными в порядке ст. 49 Уголовного Кодекса и об установлении высылки в эти места в законодательном порядке; 2) считать, что на основании ст. 49 Угол. Кодекса нарсуд может без предъявления конкретного обвинения признать социально-опасными на основании лишь определенных конкретных данных, устанавливающих определенную связь этого лица с преступной средой данной местности; 3) немедленно организовать в уездах, где не организованы, еженедельные семинарии для изучения Уголовного Кодекса. О всех спорных вопросах, возникающих в связи с применением Уголовного Кодекса, сообщать в организационно-инструкторский отдел совнарсуда.

Приветствия тт. Курскому и Крыленко.

Первый съезд судебных работников Узбекского народа, представляющий собою всех практиков и теоретиков туркестанских, бухарских и хорезмийских судов, приветствует в лице т. Курского идейного вождя всех работников рабоче-крестьянского суда великой Российской Федерации и своего почетного председателя, избранного единогласно на заседании съезда от 3-го июля с. г. Центральными пунктами повестки съезда являются вопросы об организации шариатских судов и управления вакуфами. Но съезд счел своим долгом в первый же день своих работ заслушать доклад о басмачестве и принял декларацию, запрещающую участие в басмаческом движении, требующую беспощадной энергичной борьбы с этой формой контр-революции и призывающую к этой борьбе всех честных граждан.

Псковский губернский съезд деятелей советской юстиции, заслушав доклад о революционной законности и организации прокуратуры, единогласно постановил послать т.т. Курскому и Крыленко приветственную телеграмму следующего содержания:

«Псковский губернский съезд деятелей юстиции в предверии осуществления реформ Нарсуда РСФСР приветствует в вашем лице первых работников пролетарского суда, положивших свои силы на водворение начал революционной законности в жизнь рабоче-крестьянской Советской России. Работники юстиции губернии будут твердо и неуклонно проводить в жизнь эти начала в уверенности окончательного торжества идей, возведенных Рабоче-Крестьянским Правительством РСФСР».

Укрепление революционной законности.

Объединенное заседание обисполкома и обкома РКП Чувашской автономной области, заслушав доклад об упорядочении судопроизводства в связи с постановлениями III сессии ВЦИК, постановило: сознавая важность водворения революционной законности в рабоче-крестьянской Республике, как фактора революционно-правового порядка, и укрепления мощи пролетарской диктатуры, предложить: 1) президиуму обкома и обисполкома срочно провести в жизнь постановления III сессии ВЦИК в области юстиции; 2) обратить серьезное внимание на подбор более авторитетных товарищей на должности нарсудей и нарследов с целью укрепления органов юстиции; 3) поручить президиуму обисполкома немедленно выдвинуть кандидата на должность прокурора области и возбудить ходатайство об его утверждении; 4) с момента вступления в исполнение своих обязанностей прокурора области отдел юстиции упразднить, передав административно-хозяйственные функции его областному совнарсуду; 5) обратить серьезное внимание на финансовое и материальное снабжение работников юстиции в первую очередь.

Обязательное постановление Моссовета.

Президиумом Моссовета издано обязательное постановление о воспрещении изготовления без разре-

шения спиртных напитков, перегонки спирта (самогонки) и хранения этих продуктов, а именно: 1) воспрещается: а) изготовлять водки и др. спиртные напитки; б) производить выгонку спирта (самогонки) и пр. спиртных суррогатов; в) хранить и допускать их распитие в торговых заведениях, как-то: магазинах, ресторанах, трактирах, кафе, столовых, буфетах, чайных и т. п. без надлежащего разрешения на торговлю винами. 2) Виновные в нарушении настоящего постановления лица подвергаются в административном порядке денежному взысканию в сумме до 100.000 (сто тысяч) рублей дензнака образца 1922 года или аресту до 2-х недель с конфискацией аппаратов для выгонки. В случае же установления факта нарушения 140 ст. Уголовного Кодекса дела о таких нарушениях передаются в парсуд. 3) Настоящее постановление вступает в законную силу со дня его опубликования.

В пленуме Верхтриба.

В заседании пленума Верхтриба постановлено: 1) налоговые отделения губревтрибунала упразднить; 2) дела налоговых отделений передать в основные отделы губревтриба для рассмотрения в выездных сессиях; 3) организовать выездные продовольственные сессии в Сибири.

Юридические курсы в Тамбове.

В конце месяца в Тамбове были открыты юридические курсы. Программа курсов имеет целью дать слушателям понятие об основах права, вообще, ознакомить со структурой советского государственного аппарата, а также с текущим законодательством. Программа теоретических занятий рассчитана на 180 часов. Кроме теоретических занятий, курсанты имели возможность ознакомиться с ведением судебных заседаний и с делопроизводством и функциями некоторых отделов губюста.

Борьба с пьянством.

В некоторых местностях Северо-Двинской губернии производится массовая выгонка самогонки. В виду того, что изготовление спиртных напитков Угол. Кодексом не предусматривается, Северо-Двинским губотюстом, в целях искоренения этого зла, возбужден в губисполкоме вопрос об издании, впредь до издания Акцизного Устава, обязательного постановления, запрещающего изготовление самогонки.

Пешком.

Хотя о бедственном положении судебных органов пишется много, все же считаю своим долгом добавить еще пару слов: сегодня, 6/VII, ко мне прибыл из Тутуева (35 верст от Ярославля) председатель бюро юстиции пешком. На мой вопрос регулярно ли ходят поезда и пароходы, я получил ответ: «поезда то регулярно ходят, да в кармане нерегулярно».

Зав. Яросл. губотюстом (подпись).

ЗА РУБЕЖОМ.

Английские тюрьмы.

В «Daily News» от 29/VI помещены выдержки из отчета комиссии по обследованию тюрем в Англии. Комиссия эта, не являясь официальным органом, состоит из многих видных политических деятелей и юристов, а также из бывших заключенных. Комиссия работает под председательством Сидней Оливье, другими же видными членами, руководившими деятельностью комиссии, являются граф оф-Сэндвич, лорд Генри Бентинк, Джордж Пиль, Бертран Расселль, Клайне, г-н и г-жа Сидней Уэбб и Бернар Шоу.

Хотя министр внутренних обратился к администрации тюрем с запрещением давать сведения комиссии, однако, удалось получить весьма ценные сведения от некоторых тюремных служащих, патрональных обществ и от бывших заключенных.

Первая часть доклада посвящена описанию существующей тюремной системы. Особенно резко комиссия высказывается против системы одиночного заключения. Заключенные, приговоренные к каторжным работам, в течение первого месяца, и обыкновенные заключенные, в течение первых трех месяцев, помещаются в камерах, размеры которых 13 футов на 7 футов. Всюду царит монотонное однообразие и суровая военная дисциплина. Всякое проявление индивидуальности подавляется. Особенно тяжело правило постоянного молчания, развивающее среди тюремного населения хитрость, лицемерие и обманы. Соблюдение же этого правила тяжело отражается на умственных способностях заключенных.

Тюремный комитет является безответственным органом, расследования которого держатся в тайне. Суровая дисциплина, устанавливающая множество мелких правил, естественно, не может соблюдаться и благодаря этому количество применяемых наказаний огромно. Наказание, выражающееся в уменьшении питания, опасно для здоровья заключенных.

Постоянные наказания и правила соблюдения молчания являются серьезным препятствием для осуществления воспитательных целей тюрьмы. Устройство работы благодаря проведению того же карательного принципа также неудовлетворительно. Работа однообразна. Новейшие усовершенствования техники отсутствуют. В боретальских учреждениях карательный элемент также силен и юные преступники фактически подвергаются тому же режиму, что и взрослые.

Камеры в тюрьмах часто темные, с плохой вен-

тиляцией. Санитарные условия комиссией также признаны неудовлетворительными.

Вторая часть доклада посвящена рассмотрению того влияния, которое оказывает пребывание в тюрьме на моральные и умственные способности заключенных. На 10.000 заключенных 86,6 умалишенных, т.-е. в десять раз больше, чем среди свободного населения. Если же исключить отсюда число заключенных уже бывших душевно-больными в момент помещения в тюрьму, то придется 41,3 душевно-больных на 10.000 заключенных, т.-е. в 5 раз больше, чем на свободе. При этом количество душевно-больных увеличивается среди заключенных, отбывающих более продолжительный срок наказания. Среди заключенных самоубийства встречаются в три раза чаще, чем среди свободного населения. Вообще, среди заключенных наблюдается умственная и моральная деградация.

Содержание всех мест заключения в 1920—1921 г.г. стоило 1.337,359 фунт. стерл. В среднем содержание каждого заключенного обошлось в 121 ф. стерл. 7 гульд. 16 пенс. Если бы эта сумма—пишет в своем докладе комиссия—способствовала хоть сколько-нибудь уменьшению преступности, то можно было бы примириться с этими расходами. Но тот факт, что 20% заключенных отбывают наказание, по крайней мере, в шестой раз, показывает, что тюрьмы являются могущественным фактором в деле создания преступности.

«Daily News» от 30/VI сообщает, что общественное мнение Англии было взволновано известием о том, что один из заключенных тюрьмы, находящейся на острове Уайт, бежал и был пойман. В виде дисциплинарного наказания заключенный был закован в цепи. По этому вопросу несколько членов Палаты Общин обратились с запросом к министру внутренних дел Шорту. Член парламента Бут выразил свое удивление по поводу того, что заключенный может быть закован в цепи на 6 месяцев и что наложению этого дисциплинарного взыскания может воспрепятствовать только вмешательство министра внутренних дел. В результате этих запросов, а также энергичного протеста Берпара Шоу, опубликованного в «Daily News», министр внутренних дел заявил в Палате Общин, что вся система дисциплинарных наказаний в тюрьмах будет пересмотрена.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Подписчику В. К. Измайлову. Поставленный вопрос можно представить себе в нескольких существенно отличающихся друг от друга соотношениях сторон. Он формулируется в таком виде: вправе ли лицо, выдавшее при получении платы по договору расписку в том, что с получением этих сумм «получено полное удовлетворение», впоследствии предъявлять дополнительные требования, ссылаясь на то, что расписка дана в такой форме под давлением

необходимости ввиду невозможности получить от должника полного удовлетворения по правильному расчету и нежелания выдать какую-либо сумму в частичное удовлетворение. В настоящее время отсутствует процессуальное воспрепятствование содержанию письменных документов другими доказательствами, хотя бы и свидетельскими показаниями, поэтому суд вправе допустить допрос свидетелей или другие доказательства в подтверждение того, что, вы-

давая подобную расписку, получавший не был согласен на утишение полного расчета и не считал получаемую сумму полным удовлетворением, что к выдаче такой расписки на него было оказано давление, что иначе как под эту расписку он денег не мог получить. Тогда возникает вопрос о соглашении и выдаче документов по принуждению и под угрозой. Такой документ, будь то обязательство или отказ от требования, как в данном случае, также лишен юридического значения, но при условии, что и принуждение, и угроза были существенны и действительно, что неисполнение этого принуждения неизбежно влекло для сопротивляющегося настолько существенные и достаточно серьезные для него последствия физического или материального, или хотя бы морального характера, как лишение жизни, разорение, лишение доброго имени и т. п., что тяжесть этих последствий, действительно, оправдывала выдачу такого несоответствующего действительным намерениям документа. Оценка тяжести принуждения и угроз и оправдание возможности нарушения выданного письменного документа, удостоверяющего известное со-

глашение, также принадлежит суду, разбирающему дело по существу. И, наконец, возможен и достаточно часто бывает в жизни третий случай, когда сторона, в результате известных препирательств и споров о расчетах, приходит к уступкам и, действительно, соглашается получить в окончательный расчет некоторую сумму. Оспаривать такое свое согласие впоследствии она не вправе, хотя бы и оказалось, что ей следовало бы получить больше, если только при расчете другой стороной не было допущено прямого обмана или злонамеренного обчета, или хотя бы нарушения установленных правил для исчисления следуемых сумм, влекущего за собой добросовестное заблуждение получающего в пределах своих прав.

К сказанному теоретическому обоснованию следует прибавить, что в данном конкретном случае, где предметом требования является расчет за работы, произведенные рабочей артелью, нарсуд, как орган пролетарской власти, должен стоять на охране справедливых, по существу, притязаний трудящихся.

С № 29—30 изменяется норма и порядок бесплатной рассылки „Еженедельника Советской Юстиции“. Журнал будет высылаться: 1) губернскому прокурору—5 экз. (4 экз. для губ. прокуратуры и 1 экз. для исправительно-трудового отдела), 2) совнарсуду—5 экз., 3) председателю уездного совещания работников юстиции (б. убоист) для распределения по 1 экз.: уездному совещанию, помощнику прокурора по уезду, на каждый судебный и следовательский участок и судебным исполнителям.

Трибуналам „Еженедельник“ высылается по списку Верхтриба непосредственно в адреса Трибуналов.

ОТКРЫТА ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПОДПИСКА и ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ НА Юридический Календарь на 1923 год издаваемый Юридическим Издательством Народного Комиссариата Юстиции.

СОДЕРЖАНИЕ: Личный состав, адреса, телефоны и часы приема всех центральных учреждений и главнейших местных учреждений Москвы и Петрограда.

Н. К. Ю., Верхтриб, совнарсуды, трибуналы, прокуратура РСФСР и союзных Республик, ГПУ и его местные органы.

Административное деление Москвы и Петрограда.

Московские и Петроградские: советы раб. и кр. депут. и их отделы; судебные учреждения, прокуратура, адвокатура, нотариат, судебные исполнители.

Список губерний и областей РСФСР и союзных республик и их уезды.

Алфавитно-Предметный Указатель по действующему законодательству.

Положения, определяющие деятельность всех судебных органов, земельных комиссий, примирительных камер и арбитражных судов. Общая и спе-

циальная подсудность, сроки, судебные пошлины и т. п.

Новое законодательство по суду и основам материального гражданского права и процесса. Необходимые действующие циркуляры НКЮ, Верхтриба, Наркомзема и Наркомвнудела.

Налоги, пошлины и сборы.

Краткие сведения о работе НКЮ в 1922 году.

Указатель юридической литературы.

Записная книжка на каждый день.

Юридический Календарь выйдет в декабре 1922 года в формате карманной записной книжки размером 10—15 листов текста.

Предварительный взнос установлен в 100 руб. денежными знаками 1922 года. Цена календаря будет установлена при выходе в свет, при чем предварительным подписчикам будет сделана скидка в 20%.

Тариф за объявления—15.000 руб. за страницу.

Подписка и объявления принимаются в Юридическом Книгоиздательстве НКЮ, Москва, Кузнецкий мост № 7.

Содержание:

Положения ВЦИК и СНК: I. О порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке.—II. О взимании налогов и сборов. **Постановления СНК:** I. О порядке учета работ, выполняемых по трудгужналогу.—II. Об уплате гербового сбора актовой и вексельной бумагой.—III. О предоставлении комм. университетам права выселения в административном порядке из занимаемых ими зданий.—**Циркуляр Ц. К. Помгол** о дальнейшей работе по оказанию помощи голодающим. **Циркуляры Наркомюста:** №№ 56, 59, 60, 61, 63, 64, 68, 72, 73, 74 и 75.—**Циркуляр ЦИТО** № 39.—**Разъяснение Наркомюста. Циркуляры Верховного Трибунала:** №№ 70, 81 и 82.

Положения Всер. Центр. Исполн. Ком. и Сов. Нар. Ком.

I. О порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке.

1. Губернские и уездные исполкомы и президиумы их имеют право издавать для населения своего района в пределах компетенции, указанной в ст. 61 Конституции РСФСР и в постановлениях Всероссийских съездов о советском строительстве (V раздел постановления VII Съезда и IV раздел пост. VII Съезда Советов), обязательные постановления по предметам управления и охранения порядка, а также в развитие действующих декретов и положений (как-то, по вопросам общественной безопасности и порядка, народного здоровья, правил, регулирующих торговлю, сбора налогов, борьбы со стихийными бедствиями, строительного устава и т. п.), со включением в эти постановления указаний на ответственность, налагаемую в административном порядке за их несоблюдение.

2. За нарушение обязательных постановлений налагаются следующие взыскания в административном порядке: а) штраф не свыше 50.000 руб. дензнаками 1922 г. или б) принудительные работы до трех месяцев.

3. Обязательные постановления могут быть издаваемы на срок не свыше одного года.

4. Обязательное постановление должно быть подписано председателем исполкома или его заместителем, скреплено секретарем и опубликовано во всеобщее сведение.

5. Отделы исполкомов и другие местные учреждения не имеют права самостоятельно издавать обязательные постановления, а свои предложения по этому поводу вносят соответственно в президиум губернского или уездного исполкомов.

Примечание. Проекты обязательных постановлений вносятся в президиум губ. или уезд. исполкомов по предварительном согласовании их соответствующим отделом управления в части проведения их в жизнь.

6. Все изданные обязательные постановления уездные отделы управления представляют немедленно в губернский о. у., а последние в обязательные постановления по губернии представляют в НКВД.

7. В случае нарушения обязательного постановления составляется протокол, который подписывается уполномоченным на его составление должностным лицом, равным образом, нарушителем и свидетелем.

Примечание. В случае отказа нарушителя подписать протокол об этом отказе заносится в протокол с указанием мотивов отказа; отказ нарушителя в подписании протокола не останавливает направления протокола, указанного в ст. 8-й.

8. Протокол этот немедленно представляется в губ. или уезд. отдел управления, где выносятся постановления о наложении на нарушителя взыскания в административном порядке, какое вступает в силу по утверждению его в губернских городах заведующим губернским отделом управления, в уездах—председателем уездного исполкома или его заместителем.

Примечание. В тех случаях, когда из протокола устанавливается, что данное лицо обвиняется в деянии, преследуемом в судебном порядке, дело передается в соответствующий суд по подсудности.

9. При наложении взысканий в административном порядке требуется соблюдение следующих правил: а) постановление должно содержать ясное указание на личность нарушителя и учиненное им нарушение, а также на размер наказания; б) приписываемое нарушителю нарушение должно в точности соответствовать деянию, указанному в обязательном постановлении, на которое делается ссылка; в) взыскание в административном порядке может быть наложено в течение одного месяца со дня обнаружения проступка; после истечения означенного срока нарушитель может быть преследуем лишь в судебном порядке; г) если до наложения взыскания в административном порядке указанное нарушение обязательного постановления было принято судом к своему рассмотрению, то нарушитель не может быть подвергнут взысканию за то же деяние в административном порядке.

10. Постановление о наложении взыскания должно быть изложено в письменной форме и предъявлено лицу, над которым оно приводится в исполнение.

11. В случае недовольства подвергшийся взысканию в административном порядке может просить подлежащий исполком о пересмотре вынесенного в отношении его постановления или обжаловать это постановление в порядке инстанций. Подача жалобы не приостанавливает исполнения.

12. Явно неправильное наложение взысканий в административном порядке влечет за собой не только отмену взыскания, но и личную ответственность по суду должностного лица, наложившего взыскание.

13. В случае нарушения обязательного постановления лицом, состоящим на военной службе, наложенное на него взыскание приводится в исполнение через соответствующего военного начальника, которому препровождается постановление о наложении взыскания.

14. Настоящее положение не распространяется на местности, объявленные на военном положении.

Примечание. Порядок издания обязатель-

ных постановлений в местностях, объявленных на военном положении, предусматривается постановлением о последнем.

15. Настоящим постановлением отменяются все прежде изданные постановления и распоряжения о порядке издания обязательных постановлений местными исполкомами.

Председатель ВЦИК М. Калинин.

Зам. Председателя СНК А. Рыков.

Секретарь ВЦИК А. Енукидзе.

Москва, Кремль, 27 июля 1922 года.

(«Изв. ВЦИК», № 173 от 4/VIII—1922 года).

II. О взимании налогов и сборов.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановляют:

1. Взимание и общее наблюдение за поступлением всех денежных налогов и податных сборов, как государственных, так и местных, принадлежит Наркомфину и его органам на местах.

Примечание. Непосредственное внимание некоторых государственных и местных налогов и сборов может быть по соглашению Наркомфина с подлежущими наркоматами передано ведомствам.

Органы взимания.

2. Заведывание делом взимания указанных в ст. 1-й налогов и сборов в пределах каждого уезда возлагается на обязанности уфинотделов под общим руководством губфинотдела.

3. Взимание налогов и сборов с плательщиков, под наблюдением и руководством уфинотделов, возлагается: в пределах волости—на волисполкомы и на финансовых агентов, а в городских поселениях—на городских финансовых агентов.

4. Волисполкомы и финансовые агенты в деле взимания налогов и сборов руководствуются указаниями уфинотделов и пользуются содействием сельских советов.

Примечание: Сельские советы назначают для содействия волисполкомам юсовых лиц, которые исполняют все поручения волисполкомов и волостных финансовых агентов по взиманию налогов и сборов.

5. Подробные правила деятельности сельских советов по взиманию налогов и сборов, предельные нормы сумм, которые разрешается оставлять в кассах сельских советов, срок и порядок их сдачи в волисполкомы, а также правила счетоводства, отчетности и ревизии сельских советов и назначенных ими для взимания налогов и сборов лиц, устанавливаются губфинотделами и представляются на утверждение Наркомфина через губэконо.

Порядок и меры взимания.

6. По истечении предельного срока платежа оклад налога или сбора, не внесенного в кассу Наркомфина или местного отдела финансов, либо должностным лицам, уполномоченным на прием платежей, перечисляется в недоимку, которая подлежит уплате с начислением штрафа. Установление размера штрафа производится по уездам губэконо по представлению губфинотделов, но в пределах до 25 проц. основного оклада недоимки за каждые 15 дней до дня фактической уплаты.

7. Недоимки по денежным налогам и сборам взыскиваются в том же порядке как и налог, т. е. бесспорно.

8. Принудительными мерами взыскания служат:

а) обращение взыскания на суммы, причитающиеся недоимщику к получению от третьих лиц, в том числе от советских учреждений, а также на суммы, находящиеся на текущих счетах в кредитных учреждениях;

б) опись и арест движимого имущества недоимщика, за исключением имущества, перечисленного в ст. 11, и продажа описанного и арестованного имущества с публичного торга (ст. 12) с обращением вырученных от продажи сумм на покрытие недоимки;

в) обращение в продажу с публичного торга принадлежащих недоимщику городских строений.

9. Обращение взыскания на вклады плательщиков в кредитных учреждениях, а равно на суммы, причитающиеся плательщику от третьих лиц (ст. 8, п. «а») производится в каждом отдельном случае по постановлению подлежащего суда.

10. Меры, перечисленные в п. п. «б» и «в» ст. 8-й приводятся в исполнение по постановлению соответствующего финотдела.

11. Не подлежит описи и продаже следующее, принадлежащее недоимщику имущество:

1) необходимое носильное зимнее и летнее платье, белье, обувь и др. необходимые предметы домашнего обихода;

2) продукты продовольствия в количестве, необходимом по числу членов семьи на шесть месяцев;

3) топливо в количестве, необходимом для варки пищи и обогрева помещения сроком на шесть месяцев;

4) орудия производства и инструменты, необходимые для профессионального занятия, ремесла и мелкого или кустарного промысла недоимщика, если они служат средством существования и не являются предметами эксплуатации труда;

5) сельскохозяйственные и промысловые орудия, необходимые для поддержания хозяйства, одна корова, одна лошадь или заменяющий ее другой вид скота, с необходимым количеством корма на шесть месяцев;

6) семена в количестве, необходимом для предстоящего посева на обрабатываемой недоимщиком земле;

7) неспятый урожай.

Примечание: Порядок применения настоящей статьи с подробным указанием нормального количества перечисленных в ней видов имущества, не подлежащего продаже на пополнение недоимки, устанавливаются губисполкомами по представлению губфинотдела.

12. Описанное имущество продается органом взимания с публичного торга не по правилам, утвержда-

мым Наркомфином по соглашению с Наркомюстом.

13. Уклонение от сообщения органам взимания сведений о суммах, указанных в п. «а» ст. 8, а равно ложная дача тех же сведений карается народным судом штрафом не свыше размера недоимки. Должностные лица, в официальных своих отзывают уклонившиеся от сообщения сведений или давшие заведомо ложные указания об имуществе неплательщика, независимо от уголовной ответственности (ст. 118 Угол. Код.), подлежат начету за понесенные государством убытки.

14. Растрата описанного имущества, переданного на хранение недоимщику или особо назначенному лицу, карается народным судом, как растрата вверенного государством имущества.

15. За неправильные действия и распоряжения должностных лиц при взимании налогов и сборов жа-

лобы подаются в местный исполком, на который возлагается обязанность рассмотрения этой жалобы в кратчайший срок по существу.

Примечание: Финотдел обязан представить поданную жалобу со своим заключением в исполком не позже 7 дней со дня подачи.

16. Порядок применения настоящего положения определяется инструкцией, утверждаемой Наркомфином по соглашению с Наркомвнутделом, Наркомюстом, Наркомпродом и Наркомземом по принадлежности.

Председатель ВЦИК М. Калинин.

За Председателя Совета Народных Комиссаров
А. Цюрупа.

Секретарь ВЦИК А. Енукидзе.

Москва, Кремль, 17 июля 1922 года.

(«Изв. ВЦИК», № 161 от 21/VII—1922 года).

Постановления Совета Народных Комиссаров

I. О порядке учета работ, выполняемых по трудгужналогу.

В целях создания надлежащих гарантий для точного и простого учета работ, выполняемых в порядке трудгужналога, и во избежание возможных злоупотреблений хозорганов, пользующихся налогообязанной рабгужсилой, Совет Народных Комиссаров, в частичное изменение ст. 10 инструкции СТО от 2 декабря 1921 г. о порядке отбывания трудгужналога сельским населением («Собр. Узак.», ст. 665), постановил:

1. С 1 октября 1922 г. устанавливается трудгужналоговый знак (марка), выдаваемый хозорганам в качестве удостоверения о выполнении трудгужналоговых заданий и предъявляемый плательщиками трудгужналога в сельсовет для наклейки в соответствующем месте подворно-поселенного списка.

2. Трудгужналоговые знаки (марки) издаются для всей Федерации исключительно Народным Комиссариатом Труда РСФСР и выпускаются достоинством в один налоговый день (различных цветов для трудодня и конедня).

3. Лица, виновные в подделке трудгужналоговых знаков (марок), привлекаются к судебной ответственности, как за подделку государственных бумаг, согласно ст. 85 Уголовного Кодекса («Собр. Узак.» 1922 г., отд. 1-й, ст. 153).

4. Трудгужналоговые знаки (марки) служат исключительно для учета работ, выполняемых в порядке трудгужналога, и не могут быть использованы для каких-либо иных целей, в частности, не могут приниматься в зачет денежных или натуральных платежей.

5. Формат трудгужналоговых знаков (марок), порядок их печатания, распределения и обращения, а также сроки и формы отчетности по их расходованию определяются особым положением, издаваемым Народным Комиссариатом Финансов.

За Председателя Совета Народных Комиссаров
А. Рыков.

За управляющего делами В. Смольянинов.

Секретарь Л. Фотиева.

Москва, Кремль, 26 июля 1922 года.

(«Изв. ВЦИК», № 175 от 6 августа 1922 г.)

II. Об уплате гербового сбора актовой и вексельной гербовой бумагой.

1. Разрешить со дня опубликования настоящего постановления прием в уплату гербового сбора актовой и вексельной гербовой бумаги, огрифованной лишь грифом Управления фабриками изготовления государственных знаков НКФ (Гознака), в середине коего отпечатана следующая надпись: «РСФСР. Постановление коллегии НКФ 15 июня 1922 года».

2. Актовую и вексельную бумагу, не огрифованную указанным в п. 1 способом, считать недействительной.

3. Огрифованную актовую и вексельную бумагу продавать по ценам, на ней обозначенным, вменя за каждую копейку ее цены по одному рублю дензнаками 1922 года.

4. Настоящее постановление привести в исполнение по телеграфу.

За Председателя Совета Народных Комиссаров
А. Рыков.

Зам. управляющего делами В. Смольянинов.

Секретарь Л. Фотиева.

Москва, Кремль, 4 августа 1922 г.

(«Изв. ВЦИК», № 176 от 8/VIII—1922 года).

III. О предоставлении коммунистич. универс. права выселения в административном порядке.

В дополнение постановления Совета Народных Комиссаров «О невыселении в административном порядке граждан из занимаемых ими жилищ» («Изв. ВЦИК» от 3 мая 1922 г., № 96) Совет Народных Комиссаров постановил:

Предоставить всем коммунистическим университетам и приравненным к ним учебным заведениям право выселения в административном порядке из занимаемых ими зданий всех граждан, не состоящих на службе в означенных университетах, — распоряжением самого университета.

За Председателя Совета Народных Комиссаров
А. Рыков.

За управляющего делами В. Смольянинов.

Секретарь Л. Фотиева.

Москва, Кремль, 28 июля 1922 года.

(«Изв. ВЦИК», № 173 от 4/VII—1922 года).

Циркуляр Ц. Н. Помгол (№ 13668).

Всем губкомпомголам.

О дальнейшей работе по оказанию помощи голодающим.

Ниже сообщается для сведения и неуклонного руководства постановление Президиума ЦКПомгол ВЦИК от 12-го июля по вопросу о дальнейшей работе помгол.

1. Массовая помощь голодающим должна не ослабляться до реализации нового урожая т.-е. до 1-го сентября.

2. Вследствие улучшения положения у голодающего населения уже в настоящее время часть помощи может быть обращена на производственную помощь (покупка рабочего скота, ремонт инвентаря, борьба с вредителями, трудовая помощь и др.).

3. По реализации урожая масса ая помощь должна быть заменена помощью следующим категориям населения: бездомным, сиротам, обратникам-беженцам, инвалидам и т. д.

4. Особое внимание помгол должно быть обращено на производственную помощь в виде помощи

по восстановлению хозяйства, снабжению голодающих губерний рабочим скотом, сельско-хоз. машинами, ремонт инвентаря, общественные работы, трудовую помощь и т. д.

5. Помощь голодающим со стороны благополучных губерний должна продолжаться и после реализации урожая, согласно указанным п.п. 3 и 4 задачам.

6. Сборы и налоги на помгол должны быть сохранены в теперешнем размере до реализации урожая, по реализации урожая они могут быть сокращены в связи с изменением задач помгола и с обращением части по союзной и красноармейской линии—семьям красноармейцев и инвалидам.

7. Оргуправлению ЦКПомгол немедленно приступить к выяснению характера и размера помощи по реализации урожая голодающих районов и представить в связи с этим план реорганизации аппарата помгол.

Член Президиума ЦКПГ ВЦИК А. Винокуров.

Зав. общим отделом Жилин.

27 июля 1922 года.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 56.

Губернским и Областным Отделам Юстиции.

Об использовании фондов заработной платы.

Совет Народных Комиссаров в заседании 22 июня с. г. по вопросу об отпуске денежного фонда на покрытие задолженности по заработной плате служащим государственных учреждений и предприятий, между прочим, постановил: обязать Высший Тарифный Совет впредь не принимать к своему рассмотрению никаких требований ведомств на покрытие задолженности по заработной плате как за 1921 год, так и за 1922 г., а лиц, виновных в образовании в будущем задолженности по заработной плате, привлекать, без всякого изъятия, к судебной ответственности, как за преступление по должности.

Сообщая об изложенном для сведения и руководства, Народный Комиссариат Юстиции поясняет, что, согласно постановлению СНК от 1 июня с. г. («Изв. ВЦИК», № 130) об организации ВТС, заработная плата, а равно тарифные пояса и разбивка работников по категориям, определяются ВТС, в соответствии с чем ежемесячно и отпускаются на места полностью как денежные, так и натуральные средства по числу состоящих на государственном снабжении работников. К денежным фондам НКЮ дополнительно отпускается около 10% на выдачу заработной платы высококвалифицированным работникам в порядке циркуляра ВЦИК за № 466.

Отпущенные в соответствии с изложенными указаниями фонды заработной платы являются окончательными и подлежат распределению между служащими применительно 17-разрядной тарифной сетке. Лица, допустившие неправильное распределение фондов заработной платы и возбуждающие ходатайства о покрытии задолженности по этой плате, будут привлекаться

к судебной ответственности, как за преступления по должности.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

8 июля 1922 года.

Циркуляр № 59.

Губернским и Областным Отделам Юстиции.

О порядке взносов на социальное страхование служащих.

Согласно постановлению Совнаркома от 1-го июня с. г. кредит на социальное страхование всех, вообще, служащих и рабочих советских учреждений и предприятий, финансируемых из общегосударственного бюджета, в частности, Наркомюста, включен в смету расходов с. г. лишь на 5 месяцев, май—сентябрь 1922 г., в размере 21% заработной платы, исчисленной по смете на эти месяцы на следующие виды страхования, установленные постановлениями СНК 2 и 12 января и 16 февраля с. г.: 1) на временную нетрудоспособность 6%; 2) на инвалидность и обеспечение семейств 7%; 3) на безработицу 2½% и 4) на врачебную помощь—5½%.

Основываясь на приведенных постановлениях СНК, Народный Комиссариат Юстиции предлагает:

1. Циркулярное телеграфное распоряжение НКЮ за № 3888 не считать, как утратившее силу с 1-го мая с. г.

2. Приступить к уплате взносов в местные кассы социального страхования за служащих, оставленных на госбюджете, из специально открытого на это кредита.

3. Уплату взносов произвести с 1-го мая с. г., при чем взносы за май и июнь производятся в том случае, если служащие судебных учреждений пользовались услугами органов социального обеспечения

(получали врачебную помощь и другие виды вспомоществования). Если органы социального обеспечения не оказывали в мае и позднейшее время служащим ведомства юстиции своих услуг, то уплату проинвести со дня вхождения участниками кассы социального страхования.

4. Процент взносов отчисляется с суммы основной заработной платы, открываемой Высшим Тарифным Советом, а также с суммы, открываемой Наркомостом на квалификацию.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

12 июля 1922 года.

Циркуляр № 60.

Всем Отделам Труда и Отделам Юстиции.

О наказуемости правонарушений, связанных с ненадлежащим использованием рабочей силы, предоставленной в порядке трудгужналога.

Ст. 127 Уголовного Кодекса РСФСР карает бесхозяйственное использование заведующим учреждением или управляющим государственным предприятием рабочей силы, предоставленной учреждению или предприятию в порядке трудовой повинности.

Такое бесхозяйственное использование может явиться следствием следующих причин:

- а) когда заявка на рабгужсилу преувеличена по сравнению с действительной потребностью;
- б) когда неверно указано место работы;
- в) когда нет достаточного количества орудий труда или материалов, необходимых для назначенной работы;
- д) когда оказались какие-либо иные препятствия к работе, заведомо известные ее руководителям, и
- е) когда у руководителей работы не было определенного ее плана.

Бесхозяйственное использование рабгужсилы устанавливается протоколами, составляемыми инспекцией труда или представителями рабоче-крестьянской инспекции. Дела об этих правонарушениях рассматриваются народным судом в общем порядке.

В случае нарушения действующих постановлений об охране труда следует руководствоваться ст. 132 Уголовного Кодекса и инструкцией НКЮ и НКТ от 7/VI—1922 г. (циркуляр № 47).

Убытки, причиненные как бесхозяйственным использованием трудгужсилы, так и нарушением постановлений об охране труда, подлежат возмещению в порядке удовлетворения гражданских исков, предъявленных потерпевшими.

Действие настоящего постановления распространяется и на случай привлечения населения к выполнению трудгужповинности по ликвидации стихийных бедствий.

Отделы юстиции и труда должны в своих периодических отчетах освещать практику нарсудов по вопросам применения стт. 127 и 132 Угол. Кодекса.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

Зам. Народного Комиссара Труда Хлопьянкин.

28 июля 1922 года.

Постановление Народных Комиссариатов Юстиции и Социального Обеспечения.

Об ответственности должностных лиц за неправильное использование фондов социального страхования.

В целях наиболее успешного проведения социального страхования рабочих и служащих Народные Комиссариаты Юстиции и Социального Обеспечения постановляют:

1) Фонды социального страхования могут расходоваться исключительно по их прямому назначению в строгом соответствии с постановлениями СНК и распоряжениями НКСО.

2) Председателя касс социального страхования, заведующие собезами, а также должностные лица иных учреждений и предприятий, виновные: а) в использовании отпущенных им кредитов на социальное страхование не по прямому назначению или б) в израсходовании без разрешения НКСО фондов социального страхования не по прямому назначению, подлежат ответственности в судебном порядке, как за превышение власти, предусмотренное ст. 106 Уголовного Кодекса РСФСР.

3) Те же лица за несвоевременный перевод во всероссийский запасный страховой фонд соответствующих отчислений и сумм подлежат ответственности по ст. 107 Угол. Кодекса, как за бездействие власти, в случае же израсходования этих отчислений и сумм — согласно п. 2 настоящего постановления.

4) Преступные деяния, указанные в п.п. 2 и 3 настоящего постановления, караются на одинаковых основаниях как в случае совершения их должностными лицами по собственной инициативе, так и в случае прямого приказа об этом вышестоящих органов и лиц.

5) Лица, указанные в п.п. 2 и 3 настоящего постановления, за сокрытие размеров сумм, подлежащих зачислению во всероссийский запасный фонд, подлежат ответственности, как за служебный подлог, по ст. 116 Уголовного Кодекса.

6) В случае установления корыстного характера деяний, указанных в п.п. 2, 3 и 5 настоящего постановления, и присвоения должностными лицами сумм социального страхования эти лица подлежат также ответственности по ст. 113 Угол. Кодекса.

7) Должностные лица за несвоевременное представление установленных форм отчетности по фондам социального страхования, подлежат ответственности, как за халатное отношение к служебным обязанностям, по ст. 108 Уголовного Кодекса.

8) Обнаружив признаки преступных деяний, указанных в настоящем постановлении, правительственные учреждения и должностные лица сообщают об этом, согласно 107 ст. Уг.-Проц. Кодекса, или подлежащему прокурору, или непосредственно в суд. В последнем случае согласно ст. 54 Уг.-Проц. Кодекса страховые органы или их уполномоченные действуют в качестве обвинителя.

9) Дела о преступных деяниях, предусмотренных настоящим постановлением, рассматриваются исключительно судебным порядком. В случаях, если эти деяния имели особо тяжелые последствия или были совершены должностными лицами в корыстных или

иных личных видах, дела направляются в революционные трибуналы; при отсутствии же этих признаков они подсудны народному суду.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

Народный Комиссар Социального Обеспечения
Милютин.

19 июля 1922 года.

Циркуляр № 63/138.

Всем земельным комиссиям по спорным земельным делам.

О порядке взыскания издержек по производству земельных дел в комиссиях (изданный Наркомземом по соглашению с Наркомюстом).

Согласно ст. 11 постановления ВЦИК от 24-го мая 1922 года о порядке рассмотрения земельных споров земельные комиссии при взыскании издержек по производству спорных земельных дел и вознаграждению свидетелей и экспертов руководствуются Положением о Нарсуде от 21-го октября 1920 года с соответствующими изменениями от 3-го февраля и 2-го июня 1922 года впредь до введения в действие Гражданского Процессуального Кодекса, с введением такового земельные комиссии руководствуются соответствующими статьями последнего.

До издания Гражданского Кодекса земельные комиссии руководствуются:

1) при взыскании пошлин по спорным земельным делам статьями 96, 97 и 102 Положения о Народном Суде с изменениями, установленными постановлением Совнаркома от 2-го июня 1922 года, и статьями 98, 99, 100 и 101 с изменениями, установленными ВЦИК и СНК от 3-го февраля 1922 года;

2) при вызове свидетелей и экспертов по награждению таковых производится по нормам и в порядке, установленном ст. 561 Положения о Нарсуде (Постановление ВЦИК и СНК от 3/II—1922 года).

Народный Комиссар Земледелия **Яковенко.**

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

Председатель Особой Коллегии Высшего Контроля по земельным спорам **Миртов.**

25 июля 1922 года.

Циркуляр № 64.

Всем Совнарсудам, Ревтрибуналам и Прокурорам.

О порядке оплаты почтовых расходов и по вызову свидетелей, экспертов (по гр. делам).

В виду введения платности всех видов почтовой корреспонденции наряду с частными лицами и для государственных учреждений Народный Комиссариат Юстиции предлагает всем подведомственным судебным органам принять к руководству и исполнению нижеследующую инструкцию:

А. По делам гражданским.

1) Почтовые расходы посылке повесток и возвращению обратных экземпляров повесток (или расписок в получении повесток) обвиняемым, потерпевшим, свидетелям, экспертам и т. д. подлежат включению в число судебных издержек (ст. 93 Угол.-Проц. Код.) и взыскиваются на общих основаниях в порядке ст. ст. 94 и 95 Угол.-Проц. Код.

Б. По делам гражданским.

2) В тех случаях, когда сторона, свидетели, эксперты и т. п. вызываются повесткой, лицо, ходатайствующее о вызове, должно оплатить почтовые

расходы по посылке повесток и возвращению обратного экземпляра повесток (или расписки в получении повесток). Наряду с почтовыми расходами, на основании циркуляра НКЮ 1922 г., № 19, вносится в депозит суда плата за проезд вызываемых по железной дороге свидетелей, экспертов и т. д.

3) Почтовые расходы по вызову свидетелей и экспертов, вызываемых по инициативе суда или по взаимному ходатайству сторон, оплачиваются обоими сторонами поровну, причем каждой из спорящих сторон разрешается уплатить целиком указанную сумму расходов, с тем, что она получает право взыскивать эту сумму с противной стороны наряду с другими судебными издержками.

4) Почтовые расходы по делам о взыскании заработной платы и средств на содержание (алименты), а также подлежащие оплате лицами, признанными судом неимеющими средств к оплате пошлин (ст. 99 Полож. о Нарсуде—Собр. Узак. 1922 г., № 17, ст. 173), уплачиваются из средств, отпущенных суду на этот предмет, причем эти расходы зачисляются в сумму судебных издержек, подлежащих взысканию в порядке ст. 100 Полож. о Нарсуде (Собр. Узак. 1922 г., № 17, ст. 173).

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

27 июля 1922 года.

Циркуляр № 68.

Всем Прокурорам губерний и областей Р. С. Ф. С. Р.

О печатях и угловых штампах для прокуроров.

В целях наименьшего расходования денежных средств при организации технического аппарата прокуратуры предлагается впредь до издания Отделом Прокуратуры особых форм делопроизводства пользоваться делопроизводством упраздненных ныне губернских отделов юстиции.

Что же касается печатей и угловых штампов, предлагается для единообразия по всей Республике следующие формы: печать для прокурора—круглая, средней величины, с гербом РСФСР в середине круга и с надписью по кругу (вокруг герба): «Прокурор . . . губернии (области)», такие же печати должны быть и у участковых помощников с надписью по кругу—«Помощник прокурора . . . губернии (области) по . . . участку». Угловой штамп должен быть для прокурора следующей формы: РСФСР. НКЮ. Прокурор . . . губернии (области), место для даты, №, обозначение местонахождения камеры (название города); для помощников: РСФСР. НКЮ. Помощник прокурора . . . губернии или области по . . . участку и далее дата, № и местонахождение камеры.

Помощники прокурора при трибунале и совнарсуде своей печати и штампа не имеют, а пользуются печатью и штампом губпрокурора.

Народный Комиссар Юстиции
и Прокурор Республики **Курский.**

1 августа 1922 года.

Циркуляр № 72.

Всем Совнарсудам.

О представлении списков судебных мест и даче сведений о личном составе.

В виду реорганизации местных судебных учреждений и изменения их функций, круга ведения и подсудности (циркуляры НКЮ от 31/VII и 1/VII—

1922 г., за №№ 65 и 66), а равно в подтверждение циркуляра от 20/VIII—1921 года за № 37, Наркомюст предлагает немедленно представить список всех судебных и следственных органов губернии (области) а также имеющих в губернии особых сессий и дежурных камер, с точным указанием их личного состава и свободных вакансий по штату.

Вместе с тем НКЮ предлагает представить анкеты на всех вновь поступивших работников и впредь сообщать ежемесячно о всех изменениях в личном составе (перемещениях, выбытии и пр.) согласно циркуляра 1921 г. за № 37.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

9 августа 1922 года.

Циркуляр № 73/217.

Всем Губ. — Обздравам.

О признании реквизированного зубо врачебного имущества государственным имуществом.

В целях устранения неправильного толкования закона о реквизиции и конфискации, в силу декрета ВЦИК о национализации предприятий от 27 октября 1921 г. (Собр. Узак. 1921 г., ст. 583) и во исполнение п. «у» постановления III сессии Всероссийского Центрального Комитета IX созыва об основных частных имущественных правах от 22 мая 1922 года, Народный Комиссариат Здравоохранения и Народный Комиссариат Юстиции постановляют:

1) Всякое зубо врачебное и зуботехническое имущество, реквизированное до момента издания постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 22 мая 1922 г. на основании революционного права у частно-практикующих врачей, зубных врачей (дантистов), зубных техников, владельцев складов и частных лиц, является, как фактически поступившие в ведение органов государственной (центральной или местной) власти, имуществом государственным и ни в коем случае возврату в частное владение не подлежит.

2) Неиспользованное для государственного зубо врачевания зубо врачебное или зуботехническое имущество может быть сдано на основании особых инструкций НКЗ общественным организациям и учреждениям, а также частным лицам, во временное пользование на договорных началах.

Народный Комиссар Здравоохранения Семашко.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

12 августа 1922 года.

Циркуляр № 74.

Губ. и Обл. Прокурорам, Совнарсудам, Ревтрибуналам и ИТО.

Об использовании фондов заработной платы.

Совет Народных Комиссаров 1-го августа с. г. постановил («Изв. ВЦИК», № 173), что всякое увеличение заработной платы сверх минимума, устанавливаемого ВТС, возникающее как следствие обязательств по коллективным договорам, так и по иным причинам, отнюдь не должно покрываться за счет общегосударственных фондов, отпускаемых на заработную плату по минимуму, установленному ВТС, и во избежание дробления фондов зарплаты, последние должны быть расходуются в строгом соответствии с бюджетным контингентом.

Об изложенном сообщается для сведения и руководства в дополнение к циркуляру от 8-го июля с. г. за № 56.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

22 августа 1922 года.

Циркуляр № 75.

Всем Губсовнарсудам и Губревтрибам.

О порядке присылки списков осужденных коммунистов.

Во изменение циркуляра от 29-го декабря 1920 года за № 48 о присылке в ЦКРКП списков осужденных коммунистов Народный Комиссариат Юстиции, ввиду разъяснения ЦКРКП о производстве им персонально учета не всех членов РКП, а только отдельных групп ответственных партработников, предлагает впредь, в целях очищения партии от чуждых ей элементов, присылать списки ежемесячно:

1) На всех осужденных членов РКП и кандидатов в местные партийные органы (райкомы, укомы и губкомы).

2) На членов РКП, работников центральных учреждений (наркоматов и т. д.), непосредственно в учетно-распределительный отдел ЦКРКП.

Списки должны содержать в себе сведения:

а) фамилия, имя отчество; б) №№ партбилета, какой организацией выдан и с какого времени в РКП; в) в совершении какого преступления и когда признаны виновными; г) к какому наказанию приговорены; д) ограничены ли права занимать ответственные должности.

Присылку вышеуказанных сведений непосредственно в НКЮ прекратить.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

24. августа 1922 года.

Циркуляр ЦИТО № 39.

Губернским Испр.-Труд. П/Отделам.

О средствах на производство ремонтных работ в местах лишения свободы.

Многие места лишения свободы, оставленные на государственном снабжении, требуют капитального ремонта, между тем, отпущенного из средств казны на этот предмет кредита едва ли хватит для выполнения лишь неотложных мелочных работ.

Дабы предоставить местам возможность произвести более широко ремонтные работы, ЦИТО, с своей стороны, войдя с представлением об ассигновании дополнительных кредитов и учитывая ограниченность государственных средств, предлагает 50% чистой прибыли, получаемой от работ заключенных, расходовать на производство ремонтных работ в зданиях мест лишения свободы, выполняя таковые за этот счет в первую очередь в зданиях мастерских.

Кроме того, в целях поднятия производительности работ разрешается от чистой прибыли 10% расходовать на улучшение питания работающих заключенных и 10% на выдачу премиального вознаграждения лицам администрации надзора и прочим служащим, имеющим отношение к работам, при чем вознаграждение должно выдаваться согласно 17-разрядной сетки с добавлением коэффициента на квалификацию для категории служащих, получающих таковую.

Заведывающий ЦИТО Е. Ширвиндт.

30 августа 1922 г.

Раз'яснение Отдела Законод. Предпол. НКЮ в Наркоминдел.

В виду запроса от 7-го июня с. г. за № 239/Э, Народный Комиссариат Юстиции раз'ясняет: декрет Совета Народных Комиссаров от 16 марта 1922 г. «О порядке истребования имущества бывших собственников от фактических владельцев» («Изв. ВЦИК» 1922 г. от 29 марта с. г., № 71) не распространяется

на имущества бывших германских военно-пленных и гражданских, интернированных в РСФСР. В отношении этого имущества действуют международные договоры, заключенные между Германией и Россией, и, в частности, ст. 5-я дополнительного соглашения между Германией и Россией от 6-го мая 1921 года.

Член Коллегии НКЮ Гойхбарг.

(17 июня 1922 г., № 412).

Циркуляры Верховного Трибунала.

Циркуляр № 70.

ВСЕМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРИБУНАЛАМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО И ВОДНОГО ТРАНСПОРТА.

О порядке прений на суде.

При рассмотрении дел в порядке надзора установлено, что председатель судебного присутствия ограничивает реплики обвинителя и защитника временем и даже лишает защитника права ответить на реплику обвинителя за истечением назначенного на реплики времени.

Предлагаю принять к неуклонному руководству, что прения сторон суть доводы и объяснения сторон в процессе, продолжительность коих зависит от обстоятельств каждого данного дела. Единственным ограничением прений сторон может быть требование о том, чтобы доводы и соображения представителей обвинения и защиты относились к обстоятельствам данного дела и не касались тем, не имеющих отношения и связи с рассматриваемым делом. Лишение же защитников слова за истечением назначенного на ответ времени представляет собой незаконное лишение подсудимого права защиты и ни в коем случае не может быть допускаемо. Лишение слова может последовать лишь в случае сознательного уклонения от обстоятельств дела и после раз'яснения о недопустимости подобного уклонения со стороны председателя присутствия.

Настоящий циркуляр приказываю принять к точному исполнению, имея в виду, что приговоры по делам, по которым защита или обвинение были ограничены в речах временем или лишены были слова за истечением времени, назначенного председателем для речей, будут отменяться в порядке судебного контроля и надзора.

Зампредседателя военно-транспортной коллегии Верховного Трибунала ВЦИК Линде.

Зам. Зав. Управсуднадзора Верхтриба ВЦИК
Рогинский.

27 апреля 1922 года.

Циркуляр № 81.

ВСЕМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРИБУНАЛАМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО И ВОДНОГО ТРАНСПОРТА.

Об обязательности постановлений о возврате вещественных доказательств.

Некоторые трибуналы возбуждают вопросы: 1) о возвращении вещественных доказательств в случаях, когда владельцы их не возбуждают ходатайства о возвращении, и 2) о возвращении вещественных доказательств железным дорогам, когда таковыми являются похищенные на дорогах грузы.

Предлагается принять к руководству, что трибуналы, как судебные учреждения, призваны охранять не только высшие интересы Республики, но и законность вообще, а следовательно оберегать и отдельные права частных лиц.

Поэтому, если трибунал признал законным возвратить вещественные доказательства по принадлежности, то постановление об этом должно вынести независимо от того, имеется ли просьба о возвращении вещественных доказательств от заинтересованного лица или не имеется.

Что касается вопроса о возвращении похищенных грузов железным дорогам, то он также решается в положительном смысле. Железная дорога, как возчик, отвечает перед грузоотправителем за целостность и сохранность вверенного ей для перевозки груза и, в случае хищения груза, лицо, доверившее железной дороге свой груз для перевозки, имеет право требовать с дороги все понесенные им убытки, происходящие для него от недоставки груза. Посему, если груз был похищен на железной дороге, то должен быть возвращен именно ей, так как только она может установить действительного владельца груза (держатель накладной), перед которым она отвечает за похищенный груз.

И. д. Зампредвоентранколлегии Крумин.
Зам. Зав. Управсуднадзора Верхтриба ВЦИК
Рогинский.

13 мая 1922 года.

Циркуляр № 82.

ВСЕМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРИБУНАЛАМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО И ВОДНОГО ТРАНСПОРТА.

О недопустимости соединения в одно производство нескольких дел о различных преступлениях одного рода, совершенных разными обвиняемыми.

Некоторые трибуналы допускают соединение в одно производство нескольких дел о различных преступлениях одного рода, совершенных разными обвиняемыми в разное время и при разных обстоятельствах. Такое соединение дел совершенно неправильно и ни в коем случае недопустимо. Каждое преступное деяние строго индивидуально и трибуналы судят не деяния, а человека за его злобность или испорченность и злую волю. При множественности преступных деяний и множественности обвиняемых личность каждого обвиняемого в отдельности с указанной точки зрения не поддается правильной оценке и возможны не только несправедливые приговоры, но и явно ошибочные.

В виду сего предлагается принять к неуклонному руководству, что соединение дел о разных преступных деяниях, хотя бы и однородных (например, хищения), но с разными обвиняемыми, отныне недопустимо.

И. д. Зампредседателя Военно-Транспортной Коллегии Верхтриба ВЦИК Крумин.
Зам. Зав. Управсуднадзора Верхтриба ВЦИК
Рогинский.

16 мая 1922 года.